

Список ненависти

Автор:

[Дженнифер Браун](#)

Список ненависти

Дженнифер Браун

#YoungLife

Пять месяцев назад Ник, бойфренд Валери Лефтман, открыл стрельбу в школьной столовой, убив многих учеников и учителей и застрелив себя. Пытаясь его остановить, Валери получила ранение в ногу и случайно спасла жизнь своей одноклассницы. Однако ее обвинили в случившемся из-за списка, который она помогла составить, – Списка ненависти, включающего более сотни людей и явлений, которые ненавидели Валери и Ник.

Все лето девушка провела в больнице, где с ней обращались как с возможной подозреваемой. Оказавшись наконец дома, Вал готовится вернуться в школу и продолжить обучение в выпускном классе. Но как справиться с последствиями происшедшего и жить дальше?

Браун Дженнифер

Список ненависти

© 2009 by Jennifer Brown

© Н. Павлива, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается Скотту

«Мы покажем всем, что они неправы,

И тогда они споют вместе с нами...»

Nickelback[1 - Слова из песни «If Everyone Cared» канадской рок-группы Nickelback. Здесь и далее прим. переводчика.]

Часть 1

1

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

«Зверский» – так описывают работающие на месте преступления следователи массовый расстрел, произошедший пятничным утром в кафетерии школы «Гарвин».

– Наши подразделения прорабатывают все детали, – рассказывает сержант полиции Пэм Мароне. – И у нас уже сложилось довольно четкое представление о том, что случилось вчера. Признаюсь, нам было нелегко. Даже самых бывалых офицеров пробирала дрожь, когда они заходили в столовую. Ужасная трагедия.

В результате стрельбы, открытой перед первым уроком, шесть учеников погибли и многие пострадали.

Последней жертвой стрелка – Ника Левила – стала шестнадцатилетняя Валери Лефтман. По имеющимся сведениям, он сначала выстрелил в нее, а потом застрелился сам.

Лефтман была ранена в бедро, и ей потребовалась срочная операция. В окружной больнице, куда была доставлена пострадавшая, ее состояние назвали критическим.

– Она потеряла много крови, – поделился с репортерами врач скорой помощи. – Вероятно, Левил попал ей прямо в бедренную артерию.

– Пациентке очень повезло, – добавила медсестра.

– У девушки хорошие шансы выжить, и мы прилагаем для этого все усилия. С ней многие хотят поговорить, но мы никого не пускаем.

Показания свидетелей разнятся. Одни считают Лефтман жертвой, другие – героиней. Однако большинство полагают, что она вместе с Левилом готовила план убийства ненавистных им школьников.

Свидетельнице преступления Джейн Келлер показалось, что Левил выстрелил в Лефтман случайно.

– Она как будто споткнулась и упала на него, но я в этом не уверена, – описывала Келлер случившееся. – После этого все быстро закончилось. А когда она упала на него, нескольким ученикам удалось сбежать.

Полицией пока точно не установлено, случайно Левил выстрелил в Лефтман или это была неудачная попытка двойного самоубийства.

Согласно более ранним свидетельствам, Левил с Лефтман в подробностях обсуждали возможный суицид. Источники, близкие к паре, сообщают, что они также поговаривали об убийстве. Это наводит полицейских на мысль, что за стрельбой в школе «Гарвин» скрывается нечто гораздо большее, чем кажется на

первый взгляд.

– Они часто говорили о смерти, – рассказывает Мейсон Маркум, близкий друг Лефтман и Левила. – Особенно Ник. Мы думали, это своего рода игра, но похоже, они не шутили. Поверить не могу, что ребята замыслили такое. Да я всего три часа назад болтал с Ником, и он об этом ни слова не сказал!

Хотя полиции не известно, умышленно или случайно Левил выстрелил в Лефтман, не остается никаких сомнений в том, что после жестокой расправы над сверстниками он собирался застрелиться сам.

– По словам свидетелей, выстрелив в Лефтман, он направил пистолет на себя и спустил курок, – сообщает сержант Мароне.

Левил скончался на месте.

– Для нас это стало большим облегчением, – признается Келлер. – Кто-то даже захлопал в ладоши. Нехорошо, конечно, но их можно понять. Было очень страшно.

Сейчас полицейские расследуют причастность Лефтман к стрельбе. Поговорить с ее семьей пока не представляется возможным. В настоящий момент полиция проинформировала лишь о своей заинтересованности в том, чтобы пообщаться лично с Валери Лефтман.

* * *

Когда я проигнорировала третий сигнал будильника, мама принялась барабанить в дверь. Подобным образом она пыталась вытащить меня из постели каждое утро. Только сегодня не обычное утро – утро, когда я должна была наконец взять себя в руки и вернуться к привычной жизни. Но с мамами всегда так. Привычка – их вторая натура: если ребенок не встает по будильнику, в ход идут долбежка в дверь и крики, неважно, обычное это утро или нет.

Но мама не кричит, а тихо спрашивает из-за двери:

– Валери? – Ее голос испуган и слегка подрагивает, как часто бывает в последнее время. Она не уверена, то ли мне просто лень подниматься, то ли ей уже бежать вызывать скорую. – Вставай же, Валери! – умоляет она. – Школьное руководство проявило понимание, позволив тебе продолжить учебу. Не испортить все в первый же учебный день!

Как будто я горю желанием возвращаться в эту школу. В коридоры, по которым наверняка бродят призраки. В столовую, где в прошлом мае рухнул мой привычный мир. Как будто мне мало постоянных кошмаров об этом месте. Я каждую ночь просыпаюсь в слезах и поту, испытывая огромное облегчение от того, что нахожусь в безопасности своей комнаты.

В школе так и не решили, героиня я или злодейка. Их трудно в этом винить. Мне самой не понять, кто я – преступница, воплотившая в жизнь план перебить половину школьников, или отчаянная девчонка, пожертвовавшая собой, чтобы остановить кровопролитие. Порой я чувствую себя и той, и другой. Порой – ни той, ни другой. Все непросто.

Совет школы хотел устроить в мою честь церемонию в начале лета. Совсем спятили. Мне было не до геройства. Я загородила собой Джессику, не думая ни о чем таком. И уж точно меня не озаряла мысль: «Вот он – шанс спасти ту, которая насмеялась надо мной и называла меня Сестрой смерти, схлопотав пулю вместо нее». В любом другом случае подобное сочли бы геройством, но в моем... люди сомневаются.

Я отказалась идти на церемонию. Мол, у меня нога болит и мне нужен отдых. А маме сказала, что эта церемония – дурацкая затея. «Только в школе могли придумать подобную бредятину. Ни за какие коврижки туда не пойду».

Честно говоря, я боялась встречаться со всеми. Боялась, что люди поверили во все написанное обо мне в газетах и рассказанное обо мне по телевидению и считают меня убийцей. Я страшилась прочитать в их глазах: «Лучше бы ты застрелилась вместе с ним». Еще больше я боялась выглядеть в их глазах самоотверженной героиней. На душе и так было тошно, ведь это мой парень убил нескольких ребят, и похоже, я дала ему понять, что тоже желаю им смерти. Идиотка. Я даже не подозревала о том, что он собирается перестрелять кучу народу, хотя он говорил мне об этом прямым текстом каждый день. Но, вместо того чтобы честно признаться в своих страхах маме, я твердила: «Бредятинка какая-то. Ни за какие коврижки туда не пойду». Вот уж точно – привычка вторая

натура.

В итоге директор школы мистер Энгерсон сам пришел к нам вечером вместо церемонии. Он говорил с мамой на кухне о... не знаю о чем. О боге, судьбе, травме и тому подобном. Уверена, он ждал, что я выйду из своей комнаты, улыбнусь и скажу, как сильно горжусь своей школой и как счастлива была пожертвовать собой ради нашей «мисс Совершенство» – Джессики Кэмпбелл. А может, он ждал от меня извинений. И я бы с удовольствием извинилась, если бы могла найти подходящие слова для чего-то настолько ужасного.

Пока мистер Энгерсон дожидался меня, я включила музыку и забралась под одеяло, решив – пусть сидит сколько влезет. Я не вышла из комнаты даже когда мама стала стучать в мою дверь, упрашивая вести себя прилично и спуститься вниз.

– Валери, ну пожалуйста! – шепотом взмолилась она, приоткрыв дверь и заглянув в мою комнату.

Я молча натянула на голову одеяло.

Я не выходила к мистеру Энгерсону не из упрямства, а потому, что не в силах была это сделать. Но мама не понимала меня. По ее мнению, чем больше людей «прощало» меня, тем меньшую вину я должна была ощущать. По мне же, все было как раз наоборот.

Вскоре в моих окнах отразился свет фар. Сидя на кровати, я видела, как мистер Энгерсон отъезжает от нашего дома. Пару минут спустя мама снова постучала ко мне.

– Да, – отозвалась я.

Она вошла в комнату с видом робкого олененка и с покрасневшимся лицом, сжимая в руке дурацкую медаль и письмо с благодарностями от школьного совета.

– Они не винят тебя, – сказала она в нос осипшим от слез голосом. – Они хотят, чтобы ты это знала. И чтобы ты вернулась. Они очень благодарны тебе.

Мама сунула мне в руки медаль и письмо.

Я опустила взгляд. Письмо подписали только десять учителей. Мистер Клайн, конечно же, в их число не входил. Уже в тысячный раз после случившегося я почувствовала сильнейший укол вины. Мистер Клайн обязательно подписал бы это письмо, но не мог этого сделать, потому как был мертв.

Мы с мамой с минуту смотрели друг на друга. Она ждала от меня хотя бы проблеска благодарности. Раз учителя не застревают на произошедшем, то, может, и я смогу спокойно жить дальше? Может, мы все сможем?

– Эм... я поняла, мам, – ответила я, возвращая ей медаль и письмо. – Это... замечательно. – Выдавить ободряющую улыбку у меня не вышло.

А если я не готова пока спокойно жить дальше? Если медаль напоминает мне о том, что парень, которому я доверяла больше всех на свете, стрелял в людей, в меня, в себя? Мне больно принимать благодарность от школы. Почему мама этого не понимает? Такое ощущение, будто я должна чувствовать одну только благодарность. За то, что выжила. За то, что прощена. За то, что люди осознают: я спасла жизнь другим ученикам.

Однако большую часть времени я не ощущаю никакой благодарности. Большую часть времени я даже не могу разобраться в собственных чувствах. Я чувствую то грусть, то облегчение, то растерянность, то недопонимание. А чаще всего – злость.

Но хуже всего то, что я не понимаю, на кого злюсь сильнее – на себя, Ника, родителей, школу, весь мир? И самое неприятное – я злюсь на погибших школьников.

– Вал, – с мольбой в глазах произнесла мама.

– Нет, правда. Это здорово. Я просто очень устала, мам. Нога болит.

Я снова забралась под одеяло и уткнулась лицом в подушку.

Мама кивнула и, сгорбившись, ушла. Я ничуть не сомневалась, что она попросит доктора Хилера обратить особое внимание на мою «реакцию». Так и виделось, как в следующее наше посещение он, сидя в кресле, протянет: «Итак, Вал, мне кажется, нам следует поговорить о медали».

Потом мама убрала медаль и письмо в ящик, где хранит детское барахло, собранное за эти годы. Детсадовские рисунки, табель успеваемости за седьмой класс, школьное письмо с благодарностью за остановку стрельбы. Маме почему-то такая подборка памятных вещей не кажется странной.

Наверное, таким образом она выражает надежду на то, что однажды я снова буду «в порядке». А помнит ли она, когда я в последний раз была «в порядке»? Я сама этого не помню. Это было до стрельбы? До того как в жизни Ника появился Джереми? До того как мама с папой возненавидели друг друга и я начала искать счастья в ком-то или чем-то другом? Наверное, это было давным-давно, когда я еще носила брекеты и кофточки нежных расцветок, слушала хит-парад «Топ 40» и жизнь мне казалась безоблачной.

Снова зазвонил будильник. Я стукнула по нему и уронила на пол.

– Валери, вставай! – закричала мама.

Мне представилось, как она стоит с беспроводным телефоном, занеся палец над первой цифрой номера «скорой».

– Через час начнутся занятия. Просыпайся!

Я обняла подушку и уставилась на изображенных на обоях лошадей. В детстве, влипая в неприятности, я смотрела на них, воображая, как вскакиваю на коня и уношусь вдаль. Как я скачу и скачу, не останавливаясь, а за спиной развеваются волосы и лошадь не знает ни голода, ни усталости. Вокруг ни души, впереди – только вечность.

Лошади больше не кажутся мне живыми, теперь они выглядят как паршивенький рисунок на детских обоях. Они никуда меня не умчат, потому что не могут. Это понимание вызывает грусть. Такое ощущение, что вся моя жизнь была долгим несуразным сном.

Услышав звяканье замка, я мысленно застонала. Ну конечно же – ключ. Доктор Хилер, обычно выступающий за меня, почему-то разрешил маме запросто заходить в мою комнату. Вроде как «на всякий случай». Так сказать, «в целях предосторожности». Сами понимаете, «в деле фигурировало самоубийство». В общем, если я не отзываюсь, мама отпирает дверь и заходит с телефоном в руке – на случай если я лежу в луже крови со вскрытыми венами и горкой лезвий на коврике в цветочек.

Я проследила за тем, как повернулась дверная ручка, не отрывая головы от подушки. Все равно ничего не могу поделать.

Мама тихонько вошла. Бинго! В руке у нее телефон.

– Проснулась? Хорошо. – Улыбнувшись, она прошла к окну и подняла жалюзи.

Я зажмурилась от солнечного света.

– Ты надела костюм, – заметила я, закрывая глаза рукой.

Мама разгладила бежевую юбку на бедрах. Так смущенно и робко, будто впервые нарядилась. Она казалась такой же неуверенной, как и я. Мне стало ее жаль.

– Да. – Теперь мама пригладила волосы. – Я подумала: раз ты возвращаешься в школу, то почему бы мне не вернуться в офис на полную ставку?

Я села в постели. Голова от долгого лежания отяжелела, нога легонько подергивалась. Я рассеянно потерла под одеялом впадинку на бедре.

– В мой первый учебный день?

Мама приблизилась, перешагнув в бежевых туфлях-лодочках через валяющуюся на полу кучу грязной одежды.

– Ну... да. Прошло несколько месяцев. Доктор Хилер считает, что я уже могу вернуться к работе. А из школы я тебя заберу. – Она села на краешек моей постели и погладила меня по голове. – У тебя все будет хорошо.

– Ты в этом уверена? Почему ты думаешь, что у меня все будет хорошо? Ты можешь ошибаться. В прошлом мае ты тоже не предвидела ничего плохого.

Я поднялась. Грудь теснило, в любую секунду могли потечь слезы.

Мама сжала в руке телефон.

– Да, я уверена в этом, Валери. То, что произошло, никогда больше не повторится, милая. Ник... его больше нет. Постарайся сейчас не расстраиваться.

Поздно. Я уже расстроилась. Но чем дольше она сидела на моей постели, поглаживая меня по голове как маленькую, а я вдыхала аромат ее духов, которые про себя называла «рабочие», тем реальнее становилось мое возвращение в школу.

– Мы все пришли к мнению, что так будет лучше, Валери. Ты забыла? – спросила мама. – На сеансе у доктора Хилера мы решили, что убегать от проблем – не выход для нашей семьи. И ты с этим согласилась. Ты не хотела, чтобы из-за случившегося страдал Фрэнки. И фирма отца... закрывать ее и начинать все сначала будет слишком накладно. – Она пожала плечами и покачала головой.

– Мам, – жалобно протянула я, но не нашлась, что возразить.

Она права. Я сама сказала, что мой младший брат Фрэнки не должен переезжать в другой город, менять школу и расставаться с друзьями. А отец, зло играющий желваками при каждом упоминании о возможном переезде, не должен открывать новую юридическую фирму после того, как столько труда вложил в старую. Что я не должна забиваться как кролик в нору и учиться с домашними учителями или – хуже того – переходить в новую школу в выпускном классе. Черта с два я буду сбегать, как какой-то преступник, когда не сделала ничего плохого.

– Случившегося не утаить от мира, – призналась я доктору Хилеру, нервно проводя пальцами по подлокотнику кресла. – Наверное, не найдется школы, в которой бы не слышали обо мне. На новом месте я сразу стану изгоем. В «Гарвине» я хотя бы знаю, чего ожидать. К тому же если я сбегу, то все только уверятся в моей вине.

– Тебе будет нелегко, – предупредил доктор Хилер. – Ты столкнешься со множеством трудностей.

– Для меня это не впервой, – пожала я плечами. – Справлюсь.

– Уверена? – недоверчиво поинтересовался он, прищурившись.

Я кивнула.

– Почему я должна сбегать? Это несправедливо. Я справлюсь. А если будет совсем невыносимо, переведусь в другую школу в конце семестра. Но я выдержу. Я не боюсь.

Легко было так рассуждать, когда впереди ждало невероятно длинное лето. Тогда идея о «возвращении» была абстрактной, а не реальной. И как в идею я в это по-прежнему верила. Моя вина лишь в том, что я любила Ника и ненавидела наших мучителей, и я не собиралась сбегать и прятаться от людей, считающих меня виноватой в чем-то еще. Однако сейчас мне предстояло воплотить идею в жизнь и я не просто боялась – я была до смерти перепугана.

– У тебя было целое лето для раздумий, – заметила мама.

Сжав зубы, я повернулась к комоду и достала чистое белье. Затем порылась в куче на полу в поисках джинсов и какой-нибудь футболки.

– Ладно. Сейчас соберусь.

Я бы сказала, что мама улыбнулась, если бы ее улыбка не походила на болезненную гримасу.

Она сделала пару нерешительных шагов к двери, а потом быстро пересекла оставшееся пространство. Видимо, пока решила оставить меня в покое. Ее руки судорожно сжимали телефон. Мама так с ним сроднилась, что как бы не потащила с собой на работу.

– Хорошо. Подожду тебя внизу.

Я натянула мятые джинсы и первую попавшуюся под руку футболку, не заботясь о том, как в них выгляжу. Никакой наряд не уймёт моего страха, и я в любом случае буду привлекать внимание, как бы ни оделась. Я поплелась в ванную и прошлась расческой по грязным волосам. Заморачиваться с макияжем тоже не стала. Не помню, где лежит косметичка. Летом прихорашиваться не приходилось. Большую часть времени я даже ходить не могла.

Обувшись в балетки, подхватила новый рюкзак, купленный мамой несколько дней назад. Он так и валялся пустым, пока она сама не набила его тетрадками и письменными принадлежностями. Старый рюкзак – окровавленный... она, наверное, отправила на помойку вместе с футболкой Ника, найденной в моем шкафу, когда я лежала в больнице. Вернувшись домой и обнаружив пропажу футболки с эмблемой Flogging Molly[2 - Flogging Molly – ирландско-американская группа, исполняющая кельтский панк.], я рыдала и обзывала маму стервозой.

Мама никак не хотела понять – эта футболка принадлежала не Нику-убийце, а Нику-моему-парню. Нику, который раздобыл билеты на выступление Flogging Molly и у которого я сидела на плечах, когда они пели песню «Factory Girls». Нику, которому пришла в голову мысль купить одну футболку на двоих и который, недолго ее поносив, отдал мне и больше никогда не просил назад.

Мама уверяла, будто выбросила футболку по совету доктора Хилера. Не верю. Порой мне кажется, что она все свои идеи выдает за его наставления, чтобы я не перечила ей. Доктор Хилер понял бы, что эта футболка не принадлежала Нику-убийце. Я даже не знаю, кто был Ником-убийцей. Доктор Хилер понимает и это.

Собравшись, я оцепенела, охваченная тревожным волнением. Коленки подгибались от страха, ноги отказывались повиноваться, шея покрылась испариной. Я не смогу пойти в школу. Не смогу ходить по ее коридорам и смотреть в лица одноклассникам. Мне не хватит на это духу.

Дрожащими руками я кое-как вытащила из кармана мобильный и набрала номер доктора Хилера. Он сразу ответил.

– Простите, что беспокою вас, – сказала я, опускаясь на постель.

– Не извиняйся, я сам просил тебя звонить. Забыла? Я ожидал твоего звонка.

- Кажется, я не смогу это сделать. Я не готова. И не знаю, буду ли когда-нибудь готова. Наверное, это была плохая идея...

- Перестань, Вал, - прервал меня он. - Ты справишься. Ты готова. Мы с тобой говорили об этом. Будет трудно, но ты выдержишь. За последние месяцы ты пережила вещи поужасней тех, которые тебе предстоят. Ты очень сильная.

На глазах выступили слезы, и я вытерла их пальцами.

- Сосредоточься на настоящем, - продолжил доктор Хилер. - Не ищи скрытого смысла в том, что будет происходить. Воспринимай действительность такой, какая она есть, безо всяких домыслов. Хорошо? Позвони мне, как вернешься домой. Если у меня будет пациент, с тобой поговорит Стефани. Договорились?

- Да.

- Если же тебе понадобится поговорить со мной во время школьных занятий...

- Знаю. Я могу позвонить.

- Помнишь наш разговор? Если ты продержишься хотя бы половину учебного дня, это уже будет победой.

- Мама возвращается на работу. На полную ставку.

- Потому что она верит в тебя. Но она придет домой, если будет тебе нужна. Однако я думаю, этого не случится. А ты знаешь, что я всегда прав. - В его голосе послышалась улыбка.

Я тихо засмеялась, шмыгнула носом и снова вытерла слезы.

- Ну да. Ладно. Мне пора.

- У тебя все получится.

- Надеюсь.

– Я в этом уверен. И помни: если не выдержишь, всегда можешь перевестись в другую школу в конце семестра. А значит, сколько надо потерпеть? Дней восемьдесят?

– Восемьдесят три дня.

– Видишь? Всего ничего! Ты справишься. Позвони мне потом.

– Обязательно.

Я нажала отбой и подхватила рюкзак. Уже выходя за дверь, остановилась. Чего-то не хватает. Я вернулась в комнату, выдвинула верхний ящик комода, пошарила за ним и нащупала то, что спрятала подальше от загребущих рук мамы. Вытащила снимок и взглянула на него в миллионный раз.

Это была наша с Ником фотография на Голубом озере, снятая в последний учебный день десятого класса. Он сидел с пивом в руке, а я безудержно хохотала. Мы устроились на большом валуне прямо у озера. По-моему, нас снимал Мейсон. Никак не могу вспомнить, что меня тогда рассмешило, хотя бессонными ночами не раз пыталась выудить из памяти то мгновение.

Мы выглядим такими счастливыми. И мы были счастливы. Какие бы выводы ни делали из нашей имейл переписки, обсуждения самоубийства и Списка ненависти.

Я коснулась пальцем смеющегося лица Ника. Я все еще отчетливо слышу его голос. Слышу, как он в своей типичной манере просит меня стать его девушкой – одновременно робкий и смелый, заносчивый и романтичный.

– Вал, – сказал Ник, соскочил с валуна и нагнулся за бутылкой пива. Свободной рукой он подхватил с земли плоский камешек и, пройдя несколько шагов вперед, запустил его в озеро. Тот подпрыгнул три раза по водной поверхности и ушел под воду. В лесу поблизости засмеялась Стейси, а за ней следом – Дьюс. Близился вечер, и где-то слева раздалось кваканье лягушек. – Ты когда-нибудь думала о том, чтобы оставить все это позади?

Я подтянула на валун ноги и обхватила колени руками. Мне вспомнилась вчерашняя ссора родителей. Из гостиной доносился голос мамы – слов я не разобрала, но тон был злой. Ночью папа ушел, тихо прикрыв за собой дверь.

– Ты о том, чтобы сбежать? Конечно.

Ник долгое время молчал. Подобрал еще один камешек и снова кинул в озеро. Тот дважды отрикошетил от воды и потонул.

– Вроде того, – проговорил Ник. – Или о том, чтобы без оглядки рвануть на машине со скалы.

Я задумчиво уставилась на заходящее солнце.

– Да. Такая мысль, наверное, многим приходила в голову. Как в «Тельме и Луизе»[3 - Отсылка к фильму «Тельма и Луиза», в котором девушки решают покончить с собой, сорвавшись на машине в пропасть.].

Ник хмыкнул, повернувшись ко мне, допил пиво и бросил бутылку на землю.

– Не видел этого фильма. А помнишь, мы читали «Ромео и Джульетту» в прошлом году?

– Ага.

Он наклонился ко мне.

– Как думаешь, мы похожи на них?

– Не знаю, – сморщила я нос. – Наверное, да.

Ник снова отвернулся и устремил взгляд на озеро.

– Похожи. Правда похожи. У нас с ними сходятся мысли.

Я поднялась и отряхнула попу, на ощупь бугристую после долгого сидения на неровном камне.

- Ты просишь меня стать твоей девушкой?

Он резко повернулся, обхватил меня за талию руками и поднял. Мои ноги заболтались в воздухе, и я взвизгнула, а потом захихикала. Ник накрыл мои губы своими, и все тело будто прошло током. Казалось, я вечность ждала, когда он меня поцелует.

- Если бы попросил, ты бы ответила отказом? - спросил он.

- Да ни за что, Ромео! - воскликнула я и поцеловала его сама.

- Тогда я прошу тебя об этом, Джульетта.

Касаясь лица Ника на фотографии, я слышу вновь его голос и эти слова. Чувствую его рядом с собой. В прошлом мае он для всего мира превратился в чудовище, но в моих глазах остался тем самым парнем, который поднял меня над землей, целовал и называл Джульеттой.

Я засунула снимок в задний карман.

- Восемьдесят три дня. Время пошло, - произнесла я вслух, сделала глубокий вдох и вышла из комнаты.

* * *

2 мая 2008

6:32

«Увидимся в столовой?»

* * *

Чирикнул мобильный, и я поспешно схватила его, чтобы не услышали мама, брат или, не дай бог, папа. Было еще рано и сумеречно. Таким утром тяжело просыпаться.

До летних каникул, суливших три месяца отсыпания и передышки от школы, осталось всего ничего. Нет, я не ненавидела школу, просто Кристи Брутер постоянно доставала меня в школьном автобусе, я забыла подготовиться к тесту по естествознанию и получила двойку и в конце года предстояли экзамены.

Ник в последнее время затаился. Пару дней он вообще не появлялся в школе, а мне строчил эсэмэски, спрашивая про «говнюков с биологии», «жирных с физры» и «придурка Макнила».

Он весь месяц провел со своим новым дружкой Джереми и, казалось, с каждым днем все больше и больше от меня отдалялся. Я боялась, что он бросит меня, поэтому не показывала, как сильно расстраиваюсь из-за того, что мы редко видимся. Мне не хотелось давить на него. Он легко раздражался, а я не хотела с ним ссориться. Я не спрашивала, чем он все эти дни занимался, вместо этого отвечая на его сообщения «с удовольствием бы окунула говнюков с биологии в раствор формальдегида», «ненавижу этих жирных» и «Макнилу повезло, что у меня нет ствола». Последнее сообщение потом аукнулось мне. Да и не только оно. Но последнее... при мысли о нем меня еще долго мутило. Из-за него детектив Панзелла провел со мной трехчасовую беседу, а папа стал смотреть так, будто видел спрятавшегося внутри меня монстра.

Джереми, с которым сдружился Ник, было за двадцать. Он закончил школу несколько лет назад, но в университет не поступил. Не учился и не работал. По моему, он занимался только тем, что избивал свою подружку, курил дурь и круглыми сутками смотрел мультфильмы. Пока не встретил Ника. Тогда он бросил смотреть мультфильмы, начал курить дурь с Ником и избивать подружку только по ночам. Днем он забывал о ее существовании, так как торчал в гараже Ника, играя на барабанах и укуриваясь в хлам. Когда я изредка заглядывала в гараж и натыкалась на Джереми, Ник был сам не свой. Я едва узнавала его.

Долгое время я думала: может быть, я никогда толком и не знала Ника? Может быть, смотря с ним телевизор или плескаясь в бассейне, я не видела его – настоящего? И этот настоящий Ник – с тяжелым взглядом, эгоистичный – показывался только в присутствии Джереми?

Есть женщины, которые не обращают внимания на тревожные знаки, явственно говорящие – их мужчина либо извращенец, либо чудовище. Но я не такая и в обратном вы меня не убедите. Когда Джереми рядом не было... когда мы с Ником оставались наедине и я смотрела ему в глаза... я видела в них только хорошее. Он был хорошим. Иногда он по-дурацки шутил, но мы все грешим этим. Поэтому порой мне казалась разумной мысль, что это Джереми надоумил Ника устроить в школе расстрел. Не я. А Джереми. Он плохой парень. Он – преступник.

Я юркнула с мобильным под одеяло, из-под которого не спешила выбираться. Предстояло пережить очередной школьный день.

– Да?

– Детка, – хрипловато приветствовал меня Ник.

Я подумала, что он еще не до конца проснулся, так как уже отвык вставать рано.

– Привет, – прошептала я. – Решил ради разнообразия сходить в школу?

Он тихо засмеялся. У него было хорошее настроение.

– Ага. Меня Джереми подбросит.

– Здорово. – Я села в постели. – Вчера о тебе спрашивала Стейси. Она видела, как вы с Джереми ехали в сторону Голубого озера. – В воздухе повис не заданный вслух вопрос.

– Ага. – Послышались щелчок зажигалки и шуршание сигаретного фильтра. Ник вздохнул. – Нужно было кое-что сделать.

– Что?

Он не ответил. До меня доносились лишь равномерные выдохи Ника и треск тлеющей сигареты.

Я почувствовала сильное разочарование. Ник не собирался мне ничего рассказывать, и это бесило. У него никогда не было от меня секретов. Мы говорили с ним на любые темы, даже самые неприятные: об отношениях между родителями, о наших школьных прозвищах, о том, как порой мы ощущаем себя пустым местом, если не чем похуже.

Мне захотелось вытянуть из него ответ на свой вопрос, сказать, что я заслуживаю знать правду, но вместо этого я сменила тему – если я наконец-то увижусь с ним, то нет смысла терять время на ненужные ссоры.

– Кстати, я бы пополнила кое-кем наш Список.

– Кем?

Я потерла пальцами уголки глаз.

– Теми, кто говорит «прости», сделав гадость. Рекламщиками фастфуда. И Джессикой Кэмпбелл.

А еще Джереми, – хотелось добавить мне, но я промолчала.

– Тощей блондинкой, которая встречается с Джейком Дилом?

– У-ху, только Джейка не пиши. Он немного грубоват, но не достает меня, как она. Я вчера на уроке о чем-то задумалась, глядя в ее сторону, так она мне такая: «Что уставилась, Сестра смерти?». Скорчила рожу, закатила глаза и велела не пялиться на нее. Естественно, я ответила, что плевать на нее хотела. Тогда она съязвила: «Ты на похороны не опоздаешь?». И ее тупые подружки заржали, словно она у нас сраный комик. Сучка.

– Ты права. – Ник закашлялся. Раздался шорох переворачиваемых страниц, и воображение нарисовало, как он, не вылезая из постели, делает записи в красном блокноте. – Все эти белобрысые курицы должны сгинуть.

Я тогда засмеялась. Смешно же. В тот момент я действительно была с ним согласна. И, смеясь, не чувствовала себя ужасным человеком, потому что считала ужасными их. Они заслуживали этого.

- Чтоб их родители переехали на собственных тачках! – в сердцах добавила я.

- Шел я тоже в Список добавил.

- Правильно. Она без конца трещит о том, как попасть в спортивную команду. Заколебала уже.

- Точно.

Мы с минуту помолчали. Не знаю, о чем думал Ник. Тогда я приняла его молчание за безмолвное согласие со мной, словно мы с ним настроены на одну волну и слова не нужны. Но теперь я знаю – это были всего лишь «домыслы», о которых любит рассуждать доктор Хилер. Люди часто предполагают, будто «знают», что творится в чужой голове. Но знать это невозможно и убеждение в обратном – ошибка. Большая ошибка, способная сломать вам всю жизнь, если вы еще и беспечны.

На заднем фоне слышались невнятные звуки.

- Мне пора, – сказал Ник. – Нужно сначала отвезти ребенка Джереми в детский сад. Его подружка все мозги нам этим проела. Увидимся в столовой?

- Ладно. Стейси займет нам столик.

- Клево.

- Люблю тебя.

- И я тебя, детка.

Разговор я закончила с улыбкой и мыслью, что, может, Ник разобрался с беспокоящей его проблемой. Может, он по горло сыт Джереми, а вместе с ним и его ребенком, мультяшками и травкой? Может, я уговорю его вместо обеда в столовой сбегать со мной через дорогу в закусочную? Вдвоем. Как в старые добрые времена. Мы устроимся на бетонном разделительном барьере, задевая друг друга плечами и болтая ногами, будем говорить о музыке и есть сэндвичи, выковыривая из них лук.

Я прыгнула под душ, даже не позаботившись включить свет. Окутанная паром, в темноте улыбалась своей надежде получить от Ника какой-нибудь подарочек. Он часто радовал меня ими – то появлялся в школе с раздобытой на заправке розой, то тайком на перемене подкидывал в мой школьный шкафчик шоколадку, то незаметно засовывал в тетрадь записку. При желании Ник мог быть невероятно романтичным.

Я вышла из душа и вытерлась. Тщательно причесалась, подвела глаза и надела черную джинсовую мини-юбку со своими любимыми леггинсами – в черно-белую полоску, с дырой на колене. Натянула носки, сунула ноги в балетки и подхватила рюкзак.

Мой младший брат Фрэнки завтракал на кухне хлопьями. Он уложил волосы «ежиком» и походил на мальчишек из рекламы «Поп-тартс» – эдаких идеально зачесанных скейтеров. В свои четырнадцать Фрэнки много о себе воображает. Считает себя знатоком моды и одевается так стильно, будто только что сошел со страниц глянцевого журнала.

Мы с ним близки, несмотря на то что у нас совершенно разный круг общения и совершенно разное понимание того, что считать классным. Бывает, он раздражает меня, но большую часть времени мы с ним ладим. Он прикольный младший братишка.

На столе перед ним лежал открытый учебник истории, и Фрэнки лихорадочно строчил что-то на листе бумаги, прерываясь только на то, чтобы засунуть в рот ложку хлопьев.

– Готовишься к съемке рекламного ролика геля для волос? – спросила я, проходя мимо и задев его стул бедром.

– Что? – Фрэнки провел ладонью по ежику волос. – Дамочкам нравится такая прическа.

– О да, – я с улыбкой закатила глаза. – Папа уже ушел?

Фрэнки сунул в рот хлопья и вернулся к своей писанине.

– Только что, – ответил он с набитым ртом.

Я достала из морозилки вафли и сунула одну в тостер.

– Вчера так занят был своими дамочками, что не сделал домашку? – поддразнила я брата и наклонилась вперед, чтобы заглянуть в его записи. – Интересно, а что думали женщины во время Гражданской войны о... нагеленных волосах?

– Ой, отстань, – пихнул меня Фрэнки локтем. – Я до двенадцати болтал с Тиной. Мне нельзя идти неподготовленным. Если получу еще одну тройку, мама психанет и опять отберет мой мобильный.

– Ладно, ладно. Не буду к тебе приставать. Еще не хватало помешать вашему с Тиной захватывающему телефонному роману.

Из тостера выпрыгнула вафля. Я взяла ее и откусила, ничем не намазав.

– Кстати, тебя мама в школу везет?

Брат кивнул. Мама каждый день подвозила Фрэнки в школу по дороге на работу. Из-за этого у него перед занятиями всегда было свободное время. Мне бы оно тоже не помешало, только не хотелось каждое утро выслушивать мамины замечания о моей «жуткой прическе» и «чересчур короткой юбке» и вопросы вроде: «Зачем такой красивой девушке, как ты, портить свою внешность подобным макияжем и перекрашенными волосами?». Я предпочитала дожидаться на улице автобуса, забитого качками, чем сидеть рядом с ней в машине. И это о многом говорит.

Я глянула на часы, встроенные в плиту, закинула рюкзак на плечи и откусила еще один кусочек от вафли. Автобус мог прийти в любую минуту.

– Я пошла, – направилась я к двери. – Удачи с домашкой.

– Пока, – крикнул Фрэнки мне вслед, когда я уже вышла на крыльцо и закрывала за собой дверь.

Воздух был какой-то промозглый, словно близилась зима, а не лето. Похоже, теплее, чем сейчас, этот день уже не станет.

2

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

Шестнадцатилетняя Кристи Брутер, капитан школьной команды по софтболу, была первой и, похоже, запланированной жертвой.

– По словам одноклассниц, он толкнул Кристи в плечо, – рассказывает мать девушки, Эми Брутер. – И когда она обернулась, бросил: «Ты давно уже числишься в нашем списке». «В каком списке?» – спросила она, и он выстрелил.

Брутер была ранена в живот, и по словам докторов, «ей чертовски повезло, что она выжила». В ходе расследования подтвердилось, что имя Брутер действительно было первым среди сотен других в печально известном «Списке ненависти» – красном блокноте, конфискованном у родителей Ника Левила спустя несколько часов после массового расстрела.

* * *

– Нервничаешь?

Я пожала плечами и подцепила пальцем кусочек резины, отходившей от подошвы балеток. Меня обуревало столько эмоций, что хотелось выскочить из машины и пронестись по улице с диким криком. Хватило же меня только на то, чтобы пожать плечами. И это хорошо. Мама с меня глаз не спускала. Любой неверный шаг с моей стороны, и она помчится к доктору Хилеру, наговорит ему всякого, раздув из мухи слона, и тогда меня опять ждет серьезный разговор.

Мы с доктором Хилером ведем серьезный разговор минимум раз в неделю. Проходит он примерно так.

Доктор Хилер спрашивает:

- Тебе ничего не угрожает?

- Я не собираюсь покончить жизнь самоубийством, если вы об этом, - отвечаю я.

- Да, об этом.

- Не буду я ничего с собой делать. Это мама паникует на пустом месте.

- Она просто волнуется за тебя.

Потом мы обычно переходим к другим темам, но по возвращении домой я забираюсь в постель и начинаю думать об этом. О самоубийстве. Мне ничего не грозит? Может, у меня проявляются суицидальные наклонности, но я их не замечаю? А потом в сгущающихся сумерках я извожу себя вопросом: что же, блин, со мной приключилось такого, что я сама не знаю кто я? Ведь это же самый легкий вопрос на свете. Только я уже долгое время не могу на него ответить. А может, и никогда не могла.

Порой в моем мире - где родители ненавидят друг друга, а школа смахивает на поле битвы - отвратно быть мною. Ник был моей отдушиной. Единственным человеком, который меня понимал. Мы словно были половинками одного целого - с одинаковыми мыслями, чувствами, бедами. И теперь, лишившись своей половинки, я лежу в темной комнате, страдая от того, что не знаю, как опять стать самой собой. Поворачиваюсь на бок, смотрю на нарисованных лошадей и, как в детстве, мечтаю о том, чтобы они ожили, унесли меня прочь и я бы больше не изводилась подобными мыслями. Я не знаю кто я, и от этого очень больно. Зато я знаю наверняка, что устала от боли.

Мама протянула руку и ободряюще похлопала меня по колену.

- Если выдержишь половину дня и я тебе понадобится, позвони. Хорошо?

Я не ответила. В горле встал ком. Казалось нереальным, что я буду ходить по школьным коридорам и встречаться с хорошо знакомыми мне ребятами, вдруг ставшими незнакомцами. Такими как Аллен Мун - он заявил прямо в камеру:

«Надеюсь, они упекут Валери за решетку. Пожизненно». Или как Кармен Чиарро – ее процитировали в газете: «Не понимаю, откуда в этом Списке взялось мое имя. До того дня я вообще знать не знала Ника и Валери».

Ника она, может, и не знала. Он перешел в нашу школу в девятом классе и был тихим худеньким пареньком, плохо одетым и грязноволосым. Но мы с Кармен вместе ходили в начальную школу. Она соврала, сказав, что не знает меня. И поскольку она дружила с нашим «мистером Квотербеком» – Крисом Саммерсом, который ненавидел Ника и при каждом удобном случае издевался над ним на потеху своим друзьям, подозреваю, что и Ника она тоже знала. Я встречу сегодня с Алленом и Кармен? Они будут меня искать или будут надеяться на то, что я не появлюсь?

– И у тебя есть номер доктора Хилера, – снова похлопала меня по колену мама.

– Знаю, – кивнула я.

Мы повернули на Оук-стрит. Я бы могла проделать этот путь за рулем с закрытыми глазами. Поворот направо, на Оук-стрит. Затем налево на Фаундлин-авеню. Снова налево, на Старлинг-стрит. И наконец направо – на парковку. Прямо впереди школа «Гарвин». Не пропустишь.

Этим утром я смотрю на нее другими глазами. Никогда больше вид этой школы не вызовет во мне того волнения, которое я испытывала в девятом классе. Никогда больше не будет ассоциироваться с умопомрачительным романом, радостью, смехом и гордостью за хорошо выполненную работу – всем тем, о чем думают люди, вспоминая свои школьные дни. Ник и это отнял у меня, у нас всех в тот день. Он лишил нас не только наивности и ощущения благополучия. Он обокрал нас, забрав и наши воспоминания.

– У тебя все будет хорошо, – повторила мама.

Я отвернулась и уставилась в окно.

Через футбольное поле под ручку с Сэмом Холлом шла Делани Петерс. Не знала, что они встречаются. Мне вдруг почудилось, будто не лето прошло, а целая жизнь. Не случись то что случилось, я бы все лето провела на озере, в боулинг-клубе, у заправки и в забегаловках, слушая сплетни о жизни знакомых и их

новых романах. Вместо этого я заперлась ото всех в своей комнате. Меня мутило даже от мысли о том, чтобы пойти с мамой в магазин.

– Доктор Хилер твердо убежден, что ты справишься сегодня на ура.

– Знаю.

Я наклонилась вперед, и у меня засосало под ложечкой. На трибунах как ни в чем не бывало сидели Стейси, Дьюс, Мейсон, Дэвид, Лиз и Ребекка. Будь все как всегда, я сидела бы вместе с ними. И с Ником. Мы бы сравнивали учебное расписание, ворчали по поводу того, с кем придется сталкиваться на уроках, болтали о совместных вечеринках. У меня начали потеть ладони. Стейси засмеялась над чем-то сказанным Дьюсом, и я почувствовала себя изгоем острее, чем когда-либо.

Мы въехали на подъездную дорожку, и в глаза тут же бросились две припаркованные у школы патрульные машины. Наверное, я поражено ахнула или лицом выдала свое удивление, потому что мама объяснила:

– Теперь это обычное дело. Обеспечение безопасности. Сама понимаешь, из-за чего. Полиция боится появления подражателей. Тебе здесь ничего не угрожает, Валери.

Мама остановилась, убрала руки с руля и посмотрела на меня. Уголки ее губ подрагивали, и она рассеянно подцепляла заусенец на пальце. Я сделала вид, что не замечаю этого, и вымученно улыбнулась.

– Я заеду за тобой ровно в 14:50. Буду ждать тебя здесь.

– Я справлюсь, – тихо ответила я и потянула дверную ручку. Ослабевшие руки с трудом справились с ней, но в конце концов дверца открылась. А значит, мне придется выходить.

– Может быть, завтра слегка подкрасишь губы? – спросила мама, когда я вылезла из машины.

О чем она думает? Я промолчала, машинально поджав губы, чтобы, как обычно, подправить помаду. Закрыла дверцу и махнула маме рукой. Она помахала в ответ и провожала меня взглядом, пока ей не посигналила стоявшая позади машина.

С минуту я стояла столбом, не зная, хватит ли мне духу зайти в здание. Ныло бедро, кружилась голова. Однако никто не обращал на меня внимания. Мимо прошли две десятиклассницы, взволнованно обсуждавшие предстоящие танцы. Незнакомая девчонка захихикала, когда ее ткнул пальцем в бок бойфренд. Учителя загоняли учеников в школу. Все так же, как в начале прошлого года. Странно.

Я шагнула вперед, но как вкопанная застыла, услышав за спиной голос:

- Не может быть!

У меня возникло ощущение, что кто-то вырубил вокруг звук, нажав кнопку на пульте управления миром. Я обернулась. Позади меня, держась за руки, стояли Стейси и Дьюс. Стейси поражено открыла рот, Дьюс, наоборот, поджал губы.

- Вал? - ахнула Стейси.

Она не верила своим глазам - но не тому, что это я, а тому, что я здесь.

- Привет, - сказала я.

Дэвид обогнул Стейси и обнял меня. Обнял скованно и сразу же отпустил, отошел к остальным и уставился в землю.

- Я не знала, что ты сегодня возвращаешься в школу, - заговорила Стейси.

Она бросила быстрый взгляд на Дьюса, оценивая его реакцию на сказанное. Уже вовсю пытается походить на него. Неприятно и непривычно видеть на ее лице улыбку с намеком на превосходство.

Я передернула плечами.

Мы со Стейси дружим, кажется, целую вечность. Любим одни и те же фильмы, носим один размер одежды, одинаково одеваемся и одинаково лжем. И летние каникулы раньше проводили вместе. Но между нами есть одна большая разница. У Стейси нет врагов. Вероятно, потому что она постоянно пытается всем угодить. Из нее можно слепить все что угодно: скажешь ей, какой она должна быть, и она тут же такой становится. Стейси далеко до популярной девчонки, но она и не лузер, как я. Она держится нейтрально, избегая и гонений, и излишнего обожания.

После «инцидента», как папа называет случившееся, Стейси дважды заходила меня проведать. Один раз в больнице, когда я еще ни с кем не разговаривала, и второй раз дома, после выписки – я тогда попросила брата сказать ей, что сплю. Больше ни она не пыталась пообщаться со мной, ни я – с ней. Возможно, в глубине души я считала, что не заслуживаю иметь друзей. Что Стейси заслуживает подружку получше меня.

Мне даже жалко ее немного. По ее лицу читалось: она бы с радостью вернулась к нашим дружеским отношениям и чувствует себя виноватой за то, что держит меня на расстоянии вытянутой руки. Но она прекрасно осознает, как теперь будут воспринимать ее дружбу со мной остальные. Если я виню себя за любовь к Нику, то винит ли она себя за любовь ко мне? Быть моей подругой рискованно. В нашей школе это будет означать конец репутации. Социальное самоубийство. И Стейси не хватит смелости, чтобы пойти на этот риск.

– Нога болит? – спросила она.

– Иногда, – глянула я на свое бедро. – Одна радость – на физкультуру ходить не придется. Но я, наверное, вечно буду опаздывать на уроки.

– Была на могиле у Ника? – влез Дьюс.

Я вскинула на него взгляд. Он смотрел на меня с отчетливой неприязнью.

– Была хоть у кого-нибудь на могиле?

– Оставь ее, – пихнула его плечом Стейси и неуверенно добавила: – Она только что вернулась в школу.

– Да, не лезь к ней, – промямлил Дэвид. – Рад, что ты в порядке, Вал. Кто у тебя будет вести математику?

– Вы чего? – взвился Дьюс. – Она может ходить. Так почему не была ни у кого на могиле? Если бы я записывал имена тех, кому желаю смерти, то хотя бы почтил их память.

– Я не желала им смерти, – еле слышно произнесла я. – Он, знаешь ли, был и твоим лучшим другом.

Дьюс приподнял бровь.

Повисло молчание, и я заметила, что на нас бросают любопытные взгляды. Окружающих заинтересовала не стычка, а я, словно до них вдруг дошло, кто я такая. Все медленно обходили нас, перешептываясь и таращась. Стейси тоже это подметила, слегка напряглась и устремила взгляд в сторону.

– Мне пора в класс, – сказала она. – Рада, что ты вернулась, Вал.

И, не дожидаясь ответа, направилась в школу. За ней следом потянулись Дэвид, Мейсон и остальные.

Дьюс шел последним.

– Да уж, мы рады этому до опупения, – проворчал он, толкнув меня плечом.

Я стояла на тротуаре, ощущая себя брошенной на необитаемом острове, вокруг которого колыхалось людское море – оно толкало меня то вперед, то назад, но с собой не уносило. Может, мне простоять на этом самом месте до возвращения мамы, которая приедет в 14:50?

На мое плечо опустилась чья-то ладонь.

– Пойдем со мной?

Я обернулась и обнаружила миссис Тейт, нашего школьного психолога. Она обняла меня за плечи и повлекла вперед. Вдвоем мы смело рассекали волны

людского потока, слыша за спиной перешептывание.

- Приятно видеть тебя, - произнесла миссис Тейт. - Тебе, наверное, страшновато?

- Да, - ограничилась я коротким ответом.

Она так быстро шла, что я еле поспевала за ней. Я даже не успела запаниковать, как мы уже оказались в вестибюле школы. Как же так? Я почувствовала себя обманутой, словно имела полное право на панику, а у меня его отобрали.

Внутри царил суета. Офицер полиции у дверей проверял металлодетектором одежду и рюкзаки учеников. Миссис Тейт махнула ему рукой и прошла мимо, утянув меня за собой - без досмотра.

В коридорах было немногочисленно, как будто многие ребята не пришли, но в остальном, похоже, ничего не изменилось. Стоял гомон голосов, ботинки шаркали по блестящей плитке пола, хлопали дверцы школьных шкафчиков и хлопки эхом отскакивали от стен.

Мы повернули в коридор к столовой. От мгновенно охватившей меня паники сжалось горло. Должно быть, миссис Тейт почувствовала мой страх, потому что сжала мои плечи и еще больше ускорила шаг.

Столовая - место, где раньше по утрам яблоку негде было упасть, - была пуста. Все столики и стулья стояли незанятыми. В дальнем конце - там, где лежала Кристи Брутер, - установили пробковую доску. В самом ее верху выделялась надпись цветными буквами «МЫ БУДЕМ ПОМНИТЬ», а сама доска была завешана записками, открытками, лентами, фотографиями, баннерами и цветами. Две девушки - издали я не видела, кто именно, - прикрепляли к ней еще одну записку и снимок.

- Мы бы запретили ученикам собираться по утрам в столовой. Из соображений безопасности, - пояснила миссис Тейт, словно прочитав мои мысли. - Но, как видишь, они сами этого не хотят. Теперь здесь только обедают.

Мы пошли через столовую. Мне чудилось, что я сейчас поскользнусь на полу, покрытом липкой кровью. Я старалась не обращать внимания на разыгравшееся воображение и сосредоточиться на цоканье каблучков миссис Тейт. Пыталась вспомнить, как правильно дышать и концентрироваться, чему меня учил доктор Хилер, но все его уроки вылетели из головы.

Мы вышли из столовой в коридор, где располагались кабинеты администрации. Технически мы находились в передней части здания. Тут тоже полицейские проверяли одежду и рюкзаки школьников металлодетекторами.

– Боюсь, со всеми этими мерами предосторожности с утра нам труднее будет включиться в учебный процесс, – вздохнула миссис Тейт. – Но, конечно же, так мы будем чувствовать себя в безопасности.

Она провела меня мимо офицеров в административную часть здания. Секретари посмотрели на нас с вежливыми улыбками, но ничего не сказали. Опустив голову, я последовала за миссис Тейт в ее кабинет. Надеюсь, она позволит мне подольше у нее посидеть.

Кабинеты миссис Тейт и доктора Хилера различались как небо и земля. В кабинете доктора Хилера было чисто и аккуратно, по стенам тянулись ряды полок со справочной литературой. У миссис Тейт все было завалено грудями исписанной бумаги и учебными материалами, словно ее кабинет служил одновременно и комнатой психолога, и подсобкой. Буквально каждый дюйм плоской поверхности покрывали стопки книг и фотографии детей и собак миссис Тейт.

Большинство школьников, сидя в кабинете миссис Тейт, либо жалуются на учителей, либо листают каталог с перечнем университетов. Если она пошла учиться на психолога в надежде работать с проблемными подростками, то, наверное, очень разочарована. Если, конечно, можно быть разочарованным тем, что в твоей жизни не хватает проблемных людей.

Миссис Тейт указала мне на кресло с потрепанной обивкой из искусственной кожи, обошла шкафчик для хранения документов и села за свой стол, заваленный кипами бумаг и стикерами. Наклонилась вперед и сложила руки прямо поверх оставшейся от одного из обедов обертки от фастфуда.

– Я ждала тебя сегодня, – сказала она. – Рада, что ты вернулась в школу. Это требует большого мужества.

– Я решила попробовать, – пробормотала я, рассеянно потирая бедро. – Не обещаю, что останусь. – «Восемьдесят три дня. Время пошло», – повторила я про себя.

– Надеюсь, останешься. Ты хорошая ученица. А! – воскликнула миссис Тейт, подняв палец.

Она потянулась в сторону и дернула на себя ящик шкафа для бумаг. Стоящая на нем фотография черно-белого кота покачнулась, и я представила, как миссис Тейт раз десять в день поднимает упавшую рамку. Она достала коричневую папку и раскрыла ее перед собой на столе. Ящик остался открытым.

– Кстати, об учебе. Ты, кажется, подумывала о поступлении в... – миссис Тейт перелистнула несколько страниц, – в университет штата Канзас. Я ничего не спутала? – Перевернув еще пару страниц, она заскользила пальцем вниз по листу. – Точно. Университет штата Канзас и Северо-Западный университет штата Миссури. – Миссис Тейт захлопнула папку и улыбнулась. – На прошлой неделе я получила из этих университетов требования. Мы немного запаздываем с подготовкой документов, но это не страшно. Тебе, скорее всего, придется письменно объяснить по некоторым пунктам в твоем личном деле, но это тоже не страшно, так как тебе не было предъявлено обвинение в... сама знаешь в чем.

Я кивнула, понимая, о чем она говорит. Только этому обвинению не обязательно значиться в моем личном деле – наверное, не найдется ни одного человека в стране, который бы обо мне не слышал. Я прямо как лучшая подружка всего мира. А может, худший его враг.

– Я передумала.

– Выбрала другой университет? Это не должно быть проблемой. С твоими оценками...

– Нет, я решила вообще никуда не поступать.

Миссис Тейт наклонилась вперед, снова положив руки поверх обертки от фастфуда.

– Совсем никуда? – нахмурилась она.

– Да. Не хочу.

– Послушай, Валери, – мягко заговорила она. – Я знаю, ты винишь себя в случившемся. Думаешь, что ты – такая же как он. Но это не так.

Я выпрямилась и постаралась выжать из себя уверенную улыбку. Сегодня мне меньше всего хотелось поднимать и обсуждать эту тему.

– Миссис Тейт, вот правда, не нужно. – Чтобы успокоиться, я коснулась заднего кармана юбки, в котором лежала наша с Ником фотография. – Я в порядке.

Она подняла руку и посмотрела мне прямо в глаза.

– Я провела с Ником больше времени, чем со своими сыновьями. Он был чересчур дотошным. И всегда злился. Он был из тех ребят, которые видят мир в черном цвете. Его обуревала ненависть. Точнее, она двигала им.

Нет! – хотелось закричать мне. – Неправда! Ник был хорошим. Я это видела.

Мне вспомнилось неожиданное появление Ника однажды вечером, когда у родителей, как всегда после ужина, назревал скандал. Я почувствовала приближение бури: мама что-то ворчала себе под нос, бросая тарелки в посудомойку, а папа мерил шагами коридор между гостиной и кухней, поглядывая на маму и качая головой. Тучи сгущались, и на меня далеко не впервые навалилось ощущение усталости. Хотелось лечь спать и проснуться утром в другом доме и в другой жизни. Фрэнки уже слинял в свою комнату. Видно, он тоже от всего этого устал.

Я поднималась по лестнице вверх, когда раздался звонок в дверь. В соседнее с дверью окно я увидела переминающегося с ноги на ногу Ника.

– Открою! – крикнула я родителям, сбегая вниз, но они уже начали скандалить и не слышали меня. – Привет, – вышла я на крыльцо. – Что случилось?

– Привет. – Ник протянул мне компакт-диск. – Вот, принес тебе. Записал сегодня днем. Под эти песни я думаю о тебе.

– Спасибо. – Я пробежалась взглядом по листочку на обороте коробки, на котором Ник напечатал названия песен и имена исполнителей. – Мне очень приятно.

По ту сторону двери послышался голос папы. Он практически рычал:

– Знаешь, может, я так и сделаю! Может, больше не вернусь домой, Дженни! Отличная идея!

Ник посмотрел на дверь. На его лице отразилось смущение и что-то еще. Жалость? Страх? Может, та же усталость, какую ощущала я?

– Хочешь уйти? – спросил он, сунув руки в карманы. – Несладко тут у вас. Можем немного с тобой побродить.

Я кивнула, приоткрыла дверь и положила диск на столик в коридоре. Ник взял меня за руку и увел на поле за моим домом. Устроившись в траве, мы смотрели на звезды и говорили о... обо всем и ни о чем.

– Знаешь, почему мы так с тобой ладим, Вал? – спустя какое-то время спросил Ник. – Потому что мы одинаково мыслим. Словно у нас с тобой один мозг на двоих. Это классно.

Растянувшись на земле, я закинула на его ногу свою.

– Обалденно, – согласилась я. – Пофиг на родителей. Пофиг на их идиотские ссоры. Пофиг на всех. Кому есть до них дело?

– Уж точно не мне. – Ник почесал плечо. – Я долго считал, что меня никто не поймет. Но ты меня понимаешь.

– Конечно. – Я повернула голову и чмокнула его в плечо. – А ты понимаешь меня. Даже как-то страшновато от того, насколько мы схожи.

– Но это же хорошо?

– Это очень хорошо.

Ник повернулся ко мне и оперся на локоть.

– Здорово, что мы есть друг у друга, – сказал он. – Даже если весь мир нас возненавидит, нам будет на кого опереться. Двое против целого мира. Только мы с тобой.

В тот момент мои мысли были заняты мамой и папой с их вечными ссорами, поэтому я решила, что мы говорим о них. Ник прекрасно знал, как тяжело мне приходится. Своего отчима Чарльза он называл «отчим дня» и все время высмеивал непостоянство матери, меняющей мужчин как перчатки. Я и подумать не могла, что он говорил о нас против... всех.

– Да. Только мы с тобой, – эхом повторила я. – Только мы.

Я уставилась на ковер в кабинете миссис Тейт, оглушенная мыслью: я совершенно не знала Ника. Все наши разговоры о родственных душах были чушью. По части понимания людей я круглая двоечница.

В горле встал ком. Школьная отщепенка оплакивает память своего парня-убийцы. Как это будет выглядеть со стороны? Я и то бы возненавидела себя. Я с трудом сглотнула.

Миссис Тейт откинулась на спинку кресла. Заканчивать разговор она не собиралась.

– Валери, ты строила свое будущее. Выбирала университет. Хорошо училась. Ник не заботился о своем будущем. В будущем его ждало только... это.

С ресниц соскользнула слеза. Я пыталась протолкнуть глоток воздуха в горле – не получалось.

Откуда ей знать, что ждало Ника в будущем? Будущее нельзя предсказать. Боже, если бы я могла предсказать случившееся, я бы его предотвратила. Но я не сделала этого. Не смогла. А должна была бы. Вот что меня терзает. Я должна была его предотвратить. И теперь в моем будущем нет университета. Мое будущее в том, что всему миру я известна как «Девушка, которая всех ненавидит». Так меня прозвали в газетах.

Я бы объяснила это миссис Тейт, но все так запутано. При мыслях об этом начинает ныть нога и болеть душа. Я встала и, пожав плечами, натянула на них рюкзак. Вытерла ладонями слезы.

– Мне пора на урок. Не хочу опоздать в первый же учебный день. Я подумаю. Ну, о поступлении в университет. Но давать обещаний не буду, ладно?

Миссис Тейт вздохнула и поднялась. Захлопнула ящик, но не стала обходить шкафчик.

– Валери, – произнесла она и замолчала, видимо, передумав давить на меня. – Желаю тебе хорошего дня. Я рада твоему возвращению. И я попридержу для тебя эти университетские каталоги.

Я направилась к выходу, но у самой двери задержалась.

– Миссис Тейт, тут сильно все изменилось? – спросила я. – Ребята изменились? – Не знаю, на какой ответ я надеялась. «Да, они выучили свой урок и теперь мы будем одной большой и счастливой семьей, как о нас пишут в газетах». Или: «В смысле изменились? Не было никаких издевательств, ты их выдумала. Ник был психом, а ты поверила ему. Вот и все. Ты злилась без повода. Очень злилась. Однако издеательства были лишь игрой твоего воображения».

Миссис Тейт пожевала губу, всерьез задумавшись над вопросом.

– Ребята как ребята, – наконец сказала она, беспомощно и грустно пожав плечами.

Наверное, этот ответ мне меньше всего хотелось услышать.

* * *

2 мая 2008

7:10

«Она может проклясть тебя, Кристи...»

* * *

Обычно я находила иронию в том, что мама возила Фрэнки в школу на машине, потому как он ненавидел ездить на автобусе, в то время как я ездила на автобусе, потому что ненавидела мучительные поездки с мамой. Но иногда я жалела о том, что не нахожу в себе сил терпеть критику мамы. Поездки в школьном автобусе отвратительны.

Обычно я забивалась в середину автобуса, сворачивалась эмбрионом, подтянув колени и уперев их в сидение перед собой, и слушала плеер, от всего отрешаясь. Но в последнее время меня стала доставать Кристи Брутер. Ничего нового, конечно. Я ее всегда терпеть не могла.

Кристи из тех девчонок, с кем чревато не дружить. На этом и основана ее популярность. Здоровая, с выпирающим пузом и слоновьими ляжками. Весьма странная комплекция для капитана школьной команды по софтболу. Как она им стала – для меня загадка. Не представляю, чтобы Кристи Брутер могла кого-то обогнать в игре. Но, видать, у нее это пару раз вышло. А может, тренер побоялся ей отказать. Кто знает.

Мы с детского сада друг друга терпеть не можем. Каждый год на родительском собрании мама отводила учителя в сторонку и советовала ни в коем случае не сажать меня и Кристи за одну парту.

– У каждого из нас есть тот самый человек... – с извиняющей улыбкой говорила она учителю.

Кристи Брутер была для меня «тем самым человеком».

В начальной школе она обзывала меня «крысенышем». В шестом классе пустила слухов, что я ношу стринги, и это привлекло ко мне массу ненужного внимания. В старшей школе она придралась к моей одежде и макияжу и выдумала мне новое прозвище – Сестра смерти. Все пришли от него в восторг.

Кристи садилась в автобус через остановку после меня, и за это время я обычно успевала прикинуться ветошью и не отсвечивать. Я не боялась ее, просто была по горло сыта издевками.

Я плюхнулась на сиденье и съехала спиной вниз, чтобы моя голова не выглядывала из-за спинки. Заткнула уши наушниками и увеличила громкость на плеере. Глядя в окно, я думала о том, как здорово будет держать сегодня Ника за руку. Мне не терпелось увидеться с ним. Хотелось ощутить в его дыхании аромат коричной жвачки и на обеде прижаться к нему, спрятавшись за ним от всего мира. От Кристи Брутер. От Джереми. От мамы с отцом и их «разговоров», которые всегда, всегда оборачивались скандалами и заканчивались тем, что отец выскальзывал из дома во тьму, а мама жалобно всхлипывала в своей комнате.

Автобус сделал первую остановку, потом вторую. Я не отрывала взгляда от окна, наблюдая за терьером, обнюхивавшим мусорный мешок. Пес уже полностью засунул в него морду, возбужденно повилывая хвостом. Как он не задыхался в мешке? И что там такого замечательного обнаружил?

Автобус тронулся в путь, и я снова увеличила громкость плеера – чем больше ребят входило в салон, тем шумней становилось вокруг. Я откинула голову на спинку сиденья и закрыла глаза.

Удар в руку я проигнорировала, решив, что кто-то задел меня, проходя мимо. За первым ударом последовал второй – посильнее, из уха выдернули наушник. Он повис на проводе, тихонько играя.

– Какого черта?! – Я вынула второй наушник и обмотала провод вокруг плеера. Посмотрев направо, увидела скалящуюся на меня из прохода Кристи Брутер. – Отвали, Кристи.

Ее уродливая подружка Эллен (рыжая мордovorotka, кетчер школьной команды по софтболу) засмеялась, а она сама с наигранно невинным видом хлопала

глазками.

– Не понимаю, о чем ты, Сестра смерти. Может, у тебя глюки? С головой неполадки? Или, может, это проделки дьявола?

Я закатила глаза, заткнула уши наушниками, приняла свою излюбленную позу и прикрыла веки. Она ждет, что я буду огрызаться. Обойдется.

Стоило автобусу повернуть к школе, как я почувствовала очередной тычок в плечо. Одновременно с этим кто-то сильно дернул за провод моих наушников. Плеер вылетел у меня из рук и упал под впереди стоящее кресло. Я его подняла. Зеленый огонек не горел, дисплей погас. Я выключила плеер и снова включила. Ничего. Он сломался.

– Господи, да что с тобой не так?! – закричала я, не выдержав.

Захихикала Элен, а вместе с ней и парочка сидящих позади нее подружек. Кристи опять невинно захлопала глазками.

Открылись двери автобуса, и мы все поднялись. Это что-то вроде инстинкта. Открываются двери автобуса – и ты встаешь, чем бы до этого ни занимался. Неизбежная составляющая жизни. Ты рождаешься, умираешь, встаешь, когда открываются двери автобуса.

Мы с Кристи оказались практически нос к носу. От нее пахло кленовым сиропом. Она с ухмылкой окинула меня взглядом с ног до головы.

– Спешешь на похороны? Может, бросишь Ника ради славненького холодненького мертвяка? Ой, погоди-ка. Ник и есть мертвяк.

Я не сводила взгляда с Кристи, не желая отступить. Ей за столько лет не надоели одни и те же дебильные шутки? Еще не переросла их? Мама однажды сказала, что если я буду игнорировать Кристи, то она от меня отстанет. Но в такие дни игнорировать ее было трудно. Я давно уже перестала огрызаться, но она сломала мою вещь и я не собиралась молчать. Оттолкнув ее, я вышла в проход.

– Не знаю, что у тебя с головой, но ты заплатишь за это, – сказала я, помахав перед ней плеером.

– Уууу, так страшно, что аж поджилки трясутся, – отозвалась она.

– Она может проклясть тебя, Кристи, – обронил кто-то, и все заржали.

Я вышла из автобуса и побежала к трибунам, где, как обычно, зависали Стейси, Дьюс и Дэвид. Поднялась я к ним разъяренная и запыхавшаяся.

– Привет, – встретила меня Стейси. – Что случилось? Выглядишь разъяренной.

– Так и есть! Смотрите, что эта сучка Брутер сделала с моим плеером.

– Ох ты ж, – взял его из моих рук Дэвид. Нажал на пару кнопок, попробовал несколько раз выключить и включить. – Его можно починить.

– Не хочу я его чинить! Я хочу убить ее. Оторвать ей тупую башку. Она еще пожалеет об этом. Я заставлю ее за это заплатить.

– Пошли эту корову куда подальше, – посоветовала Стейси. – Ее никто не любит.

Черный «камаро» въехал на парковку и подкатил к футбольному полю. Машина Джереми. У меня участился пульс. На миг я позабыла о своем сломанном плеере.

Открылась пассажирская дверца, и из машины вылез Ник. На нем была черная куртка, в которой он ходил последнее время, застегнутая на холодном ветру до самого подбородка.

Я стремглав поднялась на верх трибун и закричала ему, махая рукой:

– Ник!

Уловив краем глаза движение, Ник поднял голову и свернул в мою сторону. Он шел ровным неспешным шагом, я сбежала вниз и бросилась к нему через лужайку.

- Привет! - обняла я его.

Он высвободился из моих объятий, но наклонился и поцеловал меня. Затем развернул и, как обычно, закинул руку на мои плечи. Как же приятно было вновь ощущать его рядом.

- Привет, - ответил Ник. - Чем заняты, лузеры? - Он свободной рукой пожал ладонь Дьюса и по-дружески хлопнул Дэвида по плечу.

- Ты где пропадал? - спросил Дэвид.

Ник усмехнулся. Его глаза лихорадочно блестели, будто он под кайфом.

- Был занят, - коротко отозвался Ник и уставился на здание школы. - Был занят, - повторил он, но так тихо, что едва ли его слышал кто-то кроме меня. Такое ощущение, словно он вообще говорил не с нами, а с самой школой. Со зданием и мышинной возней в нем.

К нам подошел мистер Энгерсон и заговорил своим «директорским» тоном, который мы так любили передразнивать на вечеринках: «Пиво вредно для вашего растущего организма, ученики! Вы должны есть на завтрак полезную пищу, ученики! И не забывайте лозунг: «Скажи “НЕТ” наркотикам!».

- Ученики, - начал он, и мы со Стейси прыснули, пихнув друг друга локтями. - Давайте не будем опаздывать на уроки.

Дьюс отсалютовал директору и направился к школе. Стейси с Дэвидом, смеясь, последовали за ним. Я тоже сделала шаг, но Ник не пустил меня, держа за плечи рукой. Я удивленно обернулась. Он все еще смотрел на школу, и на его губах играла усмешка.

- Идем, пока Энгерсон не разозлился, - потянула я Ника за руку. - Слушай, я вот о чем подумала. Давай вместо обеда в столовой смотаемся в закусочную?

Ник не ответил, продолжая молча глядеть на школу.

- Ник? Нам лучше поспешить. - Ноль внимания. Я толкнула его бедром. - Ник?

Он, моргнув, перевел взгляд на меня. Усмешка не сошла с его губ, лихорадочный блеск в глазах не погас, а кажется, лишь разгорелся сильнее. Да что они с Джереми приняли утром? Ник вел себя очень странно.

– Да. Лучше поспешить. Мне нужно многое успеть.

Мы пошли к школе, задевая друг друга бедрами.

– Я бы дала тебе плеер на первый урок, но Брутер сломала его в автобусе. – Я показала ему плеер.

Ник на секунду взглянул на него, и ухмылка на его губах стала шире. Прижав меня к себе, он ускорил шаг.

– Я давно мечтаю с ней разобраться, – сказал он.

– Знаю. Сама ненавижу ее, – жалобно ответила я, довольная, что привлекла внимание Ника. – Не знаю, чего она ко мне прицепилась.

– Я займусь этим.

Я обрадованно улыбнулась. Рукав куртки Ника терся о кожу на моей шее. Это было приятно. И так естественно. Казалось, пока я ощущаю кожей его рукав, все будет хорошо, даже если Ник и под кайфом. Сейчас Ник был здесь, со мной. Обнимал меня и собирался меня защищать. Меня, а не Джереми.

Мы дошли до дверей, и Ник убрал руку с моих плеч. Я вздрогнула, почувствовав спиной холод. Порыв ветра поднял мой воротник.

Ник открыл дверь и пропустил меня вперед.

– Давай, наконец, с этим покончим, – произнес он.

Я кивнула и направилась к столовой, выискивая взглядом Кристи и выбивая зубами дробь.

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

По словам школьников, пятнадцатилетний Джефф Хикс, учившийся в девятом классе, обычно через столовую не ходил.

– Мы стараемся заходить туда как можно реже, – рассказала репортерам девятиклассница Марси Стиндлер. – Старшеклассники цепляются к нам, если мы идем через столовую. Неписаное правило девятиклассников: держаться от столовой подальше, исключение – время обеда. Это знают даже новички.

Но Хикс утром второго мая опаздывал на урок, поэтому срезал путь и пошел через столовую. Как говорится, оказался не в том месте и не в то время. Он получил пулю в затылок и скончался на месте. В его честь в государственном банке Гарвина установлен памятник.

Полиция пока не выяснила, знал ли Левил Хикса или Хикс стал случайной жертвой, нарвавшись на пулю, предназначенную кому-то другому.

* * *

Из-за того что миссис Тейт задержала меня, я вошла в класс уже после звонка, прямо посреди приветственной речи миссис Теннайл. Миссис Тейт нарочно позвала меня к себе в кабинет, чтобы я не бродила в страхе по коридорам перед первым уроком. Но, войдя в класс, я пожалела об этом. В коридорах я хотя бы могла оставаться в тени, а тут в меня сразу впились десятки пар глаз.

Клянусь, все ученики побросали свои занятия и уставились на меня. Билли Дженкинс уронил карандаш, и тот скатился со стола. У Мэнди Хорн чуть не с треском отпала челюсть. Даже миссис Теннайл на пару секунд застыла, умолкнув.

Стоя на пороге, я раздумывала: может, развернуться и уйти? Из этого класса. Из этой школы. Домой. В свою постель. Сказать маме и доктору Хилеру, что я ошибалась и хочу закончить школу с домашним учителем, что я считала себя сильной, а оказалась слабой.

Миссис Теннайл прочистила горло и опустила маркер, которым писала на белой доске.

Я глубоко вздохнула и поплелась к ее столу, протягивая пропуск, данный мне помощницей миссис Тейт.

– Мы говорили о программе на этот год, – с каменным лицом пояснила мне миссис Теннайл, забирая пропуск. – Садись. Если у тебя появятся вопросы, можешь задать мне их после урока.

Я на секунду задержала на ней взгляд. Миссис Теннайл с самого начала меня невзлюбила. Она никак не могла примириться с тем, что я не делаю лабораторных, и никак не могла забыть того, что Ник однажды «случайно» устроил на лабораторке пожар. Не пересчитать, сколько раз она оставляла Ника после уроков, а меня сверлила взглядом, когда я околачивалась возле школы, дожидаясь его.

Не представляю, что она сейчас чувствует ко мне. Может быть, жалость. Ведь я не видела в Нике того, что видела в нем она. Возможно, ей хочется схватить меня и потрясти, крича: «Я предупреждала тебя, глупая девчонка!». Или она презирает меня за случившееся с мистером Клайном.

Может, она, подобно мне, снова и снова, по сотне раз за день вспоминает, как учитель химии мистер Клайн загораживал собой учеников. Его всего трясло, он плакал и у него текло из носа. Раскинув руки в стороны, напуганный и отважный, он качал головой, будто говоря Нику: «Нет». Мне нравился Клайн. Он всем нравился. Клайн был из тех, кто пришел бы на вашу вечеринку в честь окончания школы. Из тех, кто остановится поболтать с вами в торговом центре и поприветствует вас не словами вроде «добрый день, молодые люди» или «директорской» чушью мистера Энгерсона, а скажет: «Привет, как дела? Не бедокурите?». Клайн бы сделал вид, что не видит, как вы тайком проносите свою выпивку в ресторан. Клайн бы отдал за вас жизнь. Мы все это знали. И теперь об этом узнал весь мир.

Благодаря впечатляющим телерепортажам и статьям Анджелы Дэш, пишущей для «Сан-Трибюн», на земле, наверное, не найдется человека, который бы не знал: мистер Клайн умер, потому что не сказал Нику, где спряталась миссис Теннайл. Для миссис Теннайл это тоже не было тайной. Полагаю, именно поэтому она глядит на меня так, будто я – обрушившаяся на ее класс чума.

Я повернулась и поплелась к свободной парте. Старалась смотреть только на стул, но у меня не получалось. Я тяжело сглотнула. Горло перехватило. Из вспотевших ладоней выскользнула тетрадь. Нога ныла, и я чертыхнулась про себя, заметив, что прихрамываю.

Скрючившись за партой, я подняла взгляд на миссис Теннайл. Она подождала, пока я усядусь, после чего повернулась к маркерной доске, снова прочистила горло и дописала свой имейл адрес.

Одноклассники один за другим переключились с меня на доску, и я смогла, наконец, вздохнуть. «Восемьдесят три дня, – повторила я про себя. – Восемьдесят два, если не считать сегодняшнего».

Пока Теннайл объясняла, как с ней можно связаться, я сосредоточенно рассматривала свои руки и пыталась дышать так, как учил меня доктор Хилер. Я со стыдом уставилась на свои некрасивые обломанные ногти, которые даже не подпилила. Все остальные девчонки подготовились к первому учебному дню: сделали маникюр, надели лучшие наряды. Меня хватило только на душ. Я теперь еще и этим отличалась от них и, как это ни забавно, даже от прежней себя.

Не желая, чтобы кто-то увидел, какие у меня страшные ногти, я сжала кулаки. Края ногтей впились в ладони, и я почувствовала странное спокойствие. Опустив руки на колени, я сжимала кулаки до тех пор, пока меня не перестало мутить и я не смогла вдохнуть полной грудью.

– С любым вопросом смело пишите мне на почту, – сказала миссис Теннайл, указывая на записи на доске, и вдруг замолчала.

Слева от меня что-то происходило. Какая-то девушка в окружении подруг поспешно убирала в рюкзак учебники и тетради. По ее щекам текли слезы, и она икала, пытаясь сдержать рыдания. Подруги утешали ее и поглаживали по спине.

– Что там у вас? – спросила миссис Теннайл. – Келси? Меган? Почему вы не на своих местах?

– Джинни, – показала Меган на плачущую девушку, в которой я с трудом узнала Джинни Бейкер.

Я слышала в новостях, что ей пришлось сделать несколько пластических операций, но только сейчас увидела, как сильно изменилось ее лицо.

Миссис Теннайл опустила маркер на подставку внизу доски и медленно сложила руки на груди.

– Джинни? – спросила она на удивление мягким голосом. Никогда не слышала у нее такого. – Я могу тебе чем-нибудь помочь? Тебе нужно выйти попить?

Джинни застегнула рюкзак и поднялась. Ее всю трясло.

– Это она, – не двигаясь, произнесла Джинни.

Все знали, о ком она говорит, но все равно повернулись посмотреть на меня. Даже Теннайл бросила на меня взгляд.

Опустив голову, я до боли кусала губы и крепко сжимала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

– Я не могу сидеть здесь с ней и не думать о... о... – Джинни судорожно вздохнула и с таким надрывом выдохнула, что у меня встали дыбом волоски на затылке. – Почему они позволили ей вернуться?

Она схватила рюкзак, прижала его к животу и ринулась к двери, оттолкнув Меган и Келси.

Миссис Теннайл шагнула в ее сторону, остановилась и коротко кивнула. Джинни выскочила из класса со страдальчески перекошенным лицом.

С минуту в классе стояла тишина. Зажмурившись, я начала про себя считать от пятидесяти до единицы – еще один метод, помогающий успокоиться. Не помню, от доктора Хилера я узнала о нем или от мамы. В ушах стоял звон, я нервно ерзала. Мне тоже уйти? Пойти за Джинни и извиниться? Пойти домой и больше никогда не возвращаться? Нужно сказать что-то классу? Что мне делать?

Миссис Теннайл в очередной раз прочистила горло, повернулась к доске и взяла маркер. На ее лице застыло нерешительное выражение, но вела она себя бесстрастно. Наша старая добрая невозмутимая Теннайл. Ее невозможно ни очаровать, ни обескуражить.

– Как я уже говорила... – вернулась она к уроку.

Я сморгнула пляшущие перед глазами белые точки и попыталась сосредоточиться на ее словах. Сделать это было невероятно сложно, так как весь класс продолжал пялиться на меня.

– В следующем разделе учебника...

Услышав за спиной шум, Теннайл опять замолчала и повернулась к нам.

Глянув влево, я увидела двух жарко обсуждающих что-то ребят.

– Класс, – произнесла миссис Теннайл строгим голосом, в котором, правда, проскользнули нотки смятения. – Я прошу вашего внимания.

Ребята перестали болтать, но не успокоились.

– Мне бы хотелось продолжить урок, иначе мы будем отставать, еще даже не приступив к программе.

Шон Макданнон поднял руку.

– Да, Шон? – в голосе миссис Теннайл послышалось раздражение.

Шон покашлял в кулак – так делают некоторые парни, чтобы их обычный голос звучал мощно и мужественно. Он посмотрел на меня и тут же отвел взгляд, не

заметив моей вымученной улыбки.

Шон нормальный парень. У него никогда ни с кем не было проблем. Его не любят, но и не ненавидят. Большую часть времени его не замечают. В школе можно со всеми ладить, а можно быть тем, к кому просто никто не цепляется. Насколько я знаю, его никогда не доставали. Шон хорошо учится, ходит в кружки и секции, ничем дурным не занимается и встречается с невзрачной девчонкой. Он живет всего в нескольких домах от меня, поэтому детьми мы вместе играли во дворе. Класса с пятого мы практически не общаемся, но и не враждуем. Приветствуем друг друга, сталкиваясь в коридорах или на автобусной обстановке. Ничего особенного.

– Эм... миссис Теннайл, миссис Тейт сказала, что мы должны говорить о... эм... об этом и...

– Несправедливо, что ушла Джинни, а не кое-кто другой, – заявила Меган.

В то время как Шон намеренно не смотрел на меня, бросив один-единственный взгляд, Меган чуть шею не свернула, чтобы одарить меня испепеляющим взглядом.

– Джинни ничего плохого не делала.

Миссис Теннайл зажала маркер между ладонями.

– Никто не просил Джинни уходить, Меган. И я уверена, миссис Тейт имела в виду, что вы можете прийти к ней в кабинет и поговорить о...

– Нет, – прервал ее голос за моей спиной.

Кажется, это был голос Алекса Голда, но оглянуться и посмотреть я не могла – тело словно оцепенело. Я еще сильнее впилась ногтями в ладони, оставляя на них багровые полумесяцы.

– Нет, приходивший в школу специалист по психологическим травмам сказал, что мы вольны обсуждать произошедшее где и когда угодно, если чувствуем в этом необходимость. Это я так, к слову. Мне подобные обсуждения не нужны.

Сколько можно это перетирать?

Меган закатила глаза и перевела убийственный взгляд с меня на парня за моей спиной.

- Рада за тебя. Но это не твое лицо перекраивали.

- Может, это потому, что не я травил Ника Левила?

- Довольно! - вмешалась миссис Теннайл, но класс уже вышел из-под ее контроля. - Может быть, вернемся к обсуждению программы...

- И твое лицо не перекраивали, Меган, - заметила сидящая справа от нее Сьюзен Грейсон. - Вы с Джинни даже не были подругами до расстрела. Ты просто жить не можешь без драмы.

И пошло-поехало. Все как с цепи сорвались. Заголосили наперебой - не понять, кто что говорит.

- ... какая-то драма? Моя подруга погибла...

- ... это же не Валери стреляла. За нее это сделал Ник. А Ник мертв, так какая разница?

- ... миссис Тейт сказала, споры не помогут решить...

- ... мне и так каждую ночь снятся кошмары, а тут она запросто является в класс...

- ... по-твоему, я рада, что Джинни ранили, так как жить не могу без драмы? Ты это серьезно?..

- ... не цеплялись бы к Нику, может, этого и не случилось бы. Разве не в этом суть?..

- ... как по мне, так он заслуживал смерти. Я рада, что его больше нет...

– ... да что ты знаешь о друзьях, лузер?..

Чудно, но все так воспылали ненавистью друг к другу, что позабыли о ненависти ко мне. Никто не глядел на меня. Миссис Теннайл села за свой стол и молча смотрела в окно, теребя воротник блузки. У нее подрагивал подбородок.

Послушать телевизионные репортажи, так окружающие меня ребята каждый день сидят в кафетерии и, взявшись за руки, поют «Give Peace a Chance»[4 - «Give Peace a Chance» – песня Джона Леннона.]. В реальности все иначе. В реальности они готовы глотки друг другу перегрызть. Вокруг меня гнойником, назревшим под участливыми кивками и скомканными салфетками, прорвались застарелое соперничество, застарелые шуточки и застарелая неприязнь.

Оцепенение прошло, и я смогла наконец оглядеться и посмотреть на орущих и бурно жестикулирующих ребят. Пара человек плакали. Кто-то смеялся.

Мне нужно было что-нибудь сказать, но что? Напоминание о том, что не я стреляла, прозвучало бы так, будто я защищаюсь. Мои утешения показались бы более чем странными. Любое мое действие приняли бы в штыки. Я не была готова ко всему этому. С чего я взяла, что готова? У меня не было ответа на свои собственные вопросы. Как мне отвечать на их?

Рука сама собой потянулась к мобильному в кармане. Может, позвонить маме? Попросить ее меня забрать? Умолять ее позволить мне никогда больше сюда не возвращаться? Или позвонить доктору Хилеру? Сказать ему, что он впервые ошибся. Я и восьмидесяти трех минут не выдержу, не говоря уж о восьмидесяти трех днях.

Спустя какое-то время миссис Теннайл смогла всех приструнить. И пока она рассказывала нам об учебном плане, над нами подобно грозовой туче висело напряжение.

Ребята постепенно начали забывать о моем присутствии. Может, не так уж и невозможно сидеть здесь, за этой партой, в этом классе. В этой школе.

«Ты должна научиться видеть то, что есть на самом деле, Валери, – сказал мне как-то доктор Хилер. – Должна верить тому, что видимое тобой и есть действительность».

Я открыла тетрадь и взяла карандаш. Но не стала записывать за миссис Теннайл, а начала делать наброски увиденного. Я рисовала подростков в их подростковых телах, подростковой одежде и подростковой обуви, с развязанными шнурками и драными джинсами. Только если обычно я видела злые лица, оскал или ухмылки, то теперь я видела растерянность и смятение.

Они все растеряны не меньше меня.

Я рисовала их лица в виде больших вопросительных знаков, вырвавшихся из кофта и футболок. У этих вопросов были разинутые в крике рты. Одни плакали, другие сворачивались кольцами, словно змеи.

Не знаю, об этом ли говорил доктор Хилер, советуя мне начать видеть то, что есть на самом деле. Но знаю, что эти вопросы-наброски помогли мне успокоиться гораздо лучше, чем обратный счет от пятидесяти.

* * *

2 мая 2008

7:37

«Господи! Кто-нибудь! Помогите!»

* * *

Мы с Ником вошли в школу, и ветер яростно захлопнул за мной входную дверь. Коридоры, как всегда, были забиты учениками, толпящимися у своих шкафчиков и жалующимися на своих родителей, одноклассников и друг на друга. Повсюду слышались смех, саркастическое фырканье, звуки захлопывающихся шкафчиков – своеобразный саундтрек к школьной жизни.

Мы повернули к столовой. Если в коридорах бесконечной рекой текли стройные ряды учеников, то в столовой, словно в заводи, старшеклассники зависали перед первым уроком. Одни покупали пончики, другие – кто поест уже раздобыл –

сидели прямо на полу, подпирая спинами стены. Чирлидерши балансировали на стульях, развешивая плакаты. Чуть подальше целовались влюбленные парочки. Школьные лузеры – наши друзья – ждали нас за круглым столиком у закрытой кухонной двери, развернув стулья и усевшись на них задом наперед. Несколько учителей-смельчаков, таких как мистер Клайн и учительница рисования миссис Флорес, сновали по помещению, пытаясь навести хоть какую-то видимость порядка. Однако все знали – эта битва ими давно проиграна. Порядок и столовая – вещи несовместимые.

Мы с Ником остановились сразу как вошли. Я поднялась на цыпочки и завертела головой по сторонам. Ник оглядел помещение с ледяной улыбкой на лице.

– Вон она! – указала я.

Ник глянул в ту сторону и заметил ее.

– Я из нее выбью новый плеер, – сказала я.

Ник медленно расстегнул куртку, но не снял.

– Давай покончим с этим, – ответил он.

Я радостно улыбнулась: Ник вступится за меня и Кристи Брутер наконец получит по заслугам! Передо мной был тот самый Ник, в которого я когда-то влюбилась. Ник, который не давал меня в обиду тем, кто портил мне жизнь, и не отступал даже когда ему угрожали здоровяки-футболисты. Который понимал, каково мне приходится – в моей паршивой семье и паршивой школе, где всякие Кристи постоянно гнобили меня за то, что я не такая, как они, типа я почему-то хуже их.

В его глазах появилась странная отрешенность, и он быстрым шагом устремился сквозь толпу, опережая меня. Ник шел напрямик, не обращая ни на кого внимания и расталкивая всех плечами. Он оставлял за собой волну злых лиц и возмущенных криков, но я игнорировала их, следуя за Ником и стараясь не отставать.

Он опередил меня на несколько шагов, когда достиг Кристи. Мне пришлось вытянуть шею, чтобы увидеть ее за его плечом. Но я слышала Ника и напрягла

слух, не желая ни слова пропустить. Поэтому я точно знаю, что он сказал. Его слова до сих пор звучат у меня в ушах.

Должно быть, Ник ударил Кристи в плечо. Он стоял спиной ко мне, и я плохо видела происходящее, но заметила, как он дернулся вперед, чуть не сбив с ног подружку Кристи Уиллу.

- Чего тебе? - удивленно обернулась Кристи.

К этому моменту я уже подошла к Нику и встала за его спиной. На записи с видеокамеры все выглядит так, будто мы стоим рядом, но я находилась за ним и смотрела на Кристи через его плечо.

- Ты давно уже числишься в нашем Списке, - произнес Ник.

На секунду я заледенела. Как он мог сказать ей о нашем списке? А потом разозлилась. Этот список был нашим секретом. Моим и его. А он его только что выдал. И зная Кристи, легко догадаться, что мы об этом сильно пожалеем. Она наверняка растрезвонит о списке друзьям, и они начнут нас изводить еще и этим. Может, она настучит о нем предкам, тогда моих родителей вызовут в школу, а меня потом из дома не выпустят. Может, даже нас временно отстранят от занятий и тогда я провалюсь на экзаменах.

- В каком списке? - не поняла Кристи, опустила взгляд и ее глаза расширились.

Они с Уиллой засмеялись, и я снова поднялась на цыпочки посмотреть, над чем они заливаются.

Потом раздался выстрел.

Он, скорее, прозвучал не в ушах, а в мозгу. Казалось, на меня рухнул мир. Я закричала. Знаю, что закричала - мой рот распахнулся и голосовые связки вибрировали, - но я ничего не услышала. Я зажмурилась, завопила громче и машинально вскинула руки к голове. В сознании билась одна-единственная мысль: случилось что-то плохое, что-то плохое, что-то плохое. Наверное, поэтому тело двигалось на автопилоте. Включился инстинкт самосохранения. Мозг словно передал телу сигнал: «Опасность!»

Беги!».

Я открыла глаза и потянулась к Нику, но он уже отодвинулся и я оказалась прямо напротив Кристи. Она стояла с разинутым от потрясения ртом, прижимая руки к животу. Ее ладони заливала кровь.

Кристи покачнулась и начала заваливаться вперед. Я отскочила в сторону, и она упала на пол между мной и Ником. Казалось, все происходит в замедленной съемке. Блузка на спине Кристи тоже пропиталась кровью, и посреди багряного пятна виднелась дырка на ткани.

– Готова, – сказал Ник, глядя на нее. Он держал пистолет, и его рука дрожала. – Готова, – повторил он и визгливо засмеялся.

Я все еще считаю, что его смех был вызван удивлением. Мне необходимо верить в то, что он сам удивился содеянному. Что где-то за наркотой и одержимостью Джереми скрывался Ник, который, как и я, всего лишь дурачился, записывая имена в Список ненависти, всего лишь задавался вопросом: «А что, если бы...».

Затем я вышла из ступора. Ребята вокруг кричали и бегали, толпой пытались протиснуться через двери, спотыкались друг о друга и падали. Некоторые застыли на месте с такими лицами, словно кто-то разыграл классную шутку и им жаль, что они пропустили ее. Мистер Клайн тормозил их, а миссис Флорес раздавала команды.

Ник начал проталкиваться сквозь толпу, оставив меня с залитой кровью Кристи. Я повернула голову и встретилась взглядом с Уиллой.

– Господи! – раздался крик. – Кто-нибудь! Помогите!

Мне кажется, что кричала я, но я в этом до сих пор не уверена.

4

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

Круглая отличница, шестнадцатилетняя Джинни Бейкер прощалась перед первым уроком с подругами, когда прозвучал первый выстрел.

По словам свидетелей, Бейкер была целью Ника Левила. Она спряталась от него под столом, и он специально наклонился, чтобы ее застрелить.

– Она кричала: «Помоги мне, Мег!», когда он наклонился и направил на нее пистолет, – рассказала одиннадцатиклассница Меган Норрис. – Но я совсем не знала, что делать. Я не понимала, что происходит. Я даже не слышала первого выстрела. Все случилось так быстро. Я только слышала, как миссис Флорес кричала нам, чтобы мы забрались под столы и закрыли головы. Так вышло, что я оказалась под одним столом с Джинни. И он в нее выстрелил. Он ни слова ей не сказал. Просто наклонился, направил пистолет ей в лицо, выстрелил и ушел. После выстрела Джинни притихла. Она не просила о помощи, и я подумала, что она умерла. Она выглядела мертвой.

С матерью Джинни Бейкер пока не удастся связаться. Живущий во Флориде отец девушки назвал произошедшее «самой ужасной трагедией, какую только может вообразить себе родитель». Он добавил, что вернется на Средний Запад, чтобы поддержать дочь в период серьезных пластических операций, необходимых для восстановления ее лица.

* * *

– Так значит твоя мама вернулась сегодня на работу? – спросила Стейси.

Мы наполняли подносы едой, стоя в очереди на обеде после совместного урока. На английском чувствовалось напряжение, но в принципе было терпимо. Две девчонки постоянно обменивались записками, парта Джинни пустовала, вот, в общем-то, и все. Миссис Лонг, моя учительница английского, была из тех педагогов, которые подписали благодарственное письмо. Ее глаза подозрительно заблестели, когда я вошла в класс, но она ничего не сказала. Лишь улыбнулась и кивнула мне. Подождала, пока я сяду, и начала урок. Слава богу.

- Да.

- Моя мама сказала, что твоя на днях звонила ей, чтобы поговорить.

Я замерла с кулинарными щипцами, наполненными салатом.

- Правда? И как прошел разговор?

Стейси продолжала двигаться вперед, уставившись на свой поднос. Со стороны, должно быть, непонятно, вместе мы или ей просто не повезло оказаться в очереди рядом со мной. Наверное, она этого и добивалась. Ей лучше, чтобы предполагали последнее.

Она поставила на свой поднос радужное желе. Я взяла себе такое же.

- Ты же знаешь мою маму, - ответила Стейси. - Она не желает иметь ничего общего с вашей семьей, так и сказала твоей маме. И еще назвала ее плохой матерью.

- Ничего себе. - Меня охватило странное ощущение. Похоже, я сочувствовала маме, а такое случалось редко. Во мне всколыхнулось чувство вины. Мне было легче думать, что мама считает меня худшей дочерью в мире, разрушившей ее жизнь. - Ох...

Стейси пожала плечами.

- Твоя мама послала мою в задницу.

Очень на нее похоже. И все же я уверена, что после этого она закрылась в своей комнате поплакать. Они с миссис Бринкс лет пятнадцать дружили.

Мы замолчали. Не знаю, почему умолкла Стейси, мне же мешал говорить застрявший в горле ком.

Заплатив за еду, мы взяли подносы и пошли искать свободные места. Раньше мы со Стейси, не задумываясь, направились бы в дальний конец столовой и заняли

третий столик от стены. Поцеловав Ника, я бы села между ним и Мейсоном и мы пообедали все вместе, смеясь, жалуясь на жизнь и дурачась.

Идущая впереди меня Стейси остановилась у стойки с приправами, чтобы взять кетчуп. Я тоже налила себе немного соуса, хотя мне не с чем было его есть. Ненужными действиями я просто занимала себя, не желая видеть, сколько народу тарашится на меня. Вряд ли это пара-тройка человек. Стейси снова подхватила поднос, словно знать не знала, что я стою за ее спиной. Я последовала за ней. Может, по привычке, но скорее потому, что не знала, что делать.

Само собой, за крайним левым столиком в конце зала собралась вся наша компания. Дэвид. Мейсон. Дьюс. Бриджет. Сводный брат Бриджет, Джоуи.

Заметив нас, Дэвид помахал Стейси. Переведя взгляд на меня, он как-то поник и вяло махнул рукой и мне. Он явно чувствовал себя неловко.

Стейси поставила поднос на единственное свободное место на столе – между Дьюсом и Дэвидом. Дьюс тут же принялся болтать с ней о каком-то видео на Ютубе.

– Да-да! Я видела это! – смеялась она.

Я стояла в нескольких шагах от стола с подносом в руках, не зная, как быть.

– Оу, – взглянула на меня Стейси с таким удивлением, будто не осознавала, что я за ней шла. Будто мы не стояли вместе в очереди за обедом. Будто не она со мной только что разговаривала. Она покосилась на Дьюса. – Эм... – Поджала губы. – Вал, у нас тут... все места заняты.

Дьюс обнял ее, и на губах Стейси снова появилась неприятная улыбочка с намеком на превосходство.

Дэвид начал подниматься, собираясь то ли принести мне стул, то ли освободить для меня свой. Он не ел. Он почти никогда не обедал.

Дьюс пнул его стул ногой. Он не смотрел при этом на Дэвида, но Дэвид на мгновение замер, а потом опустился на место. Он робко пожал плечами и устался в стол, избегая моего взгляда. Дьюс снова заговорил со Стейси, шепча ей что-то на ухо. Она захихикала. Даже Дэвид отвлекся на разговор с Бриджет. С уходом Ника меня выкинули из «семьи». Или я сама себя выкинула. Не знаю.

– Ничего страшного, – сказала я, хотя никто меня не слушал. – Я могу сесть в другом месте. Делов-то.

Исчезну с их глаз и устроюсь там, где никто не будет мешать мне и где я никому не помешаю. Это к лучшему, правда. О чем бы я с ними говорила? Они все лето продолжали жить прежней жизнью, а я все лето отчаянно пыталась начать жить заново.

Я отвернулась и оглядела кафетерий. Как странно – все совсем как прежде. Те же компании ребят. Те же худышки, клюющие свои диетические салаты. Те же качки, загружающиеся протеинами. Те же ботаники, незаметные в своем углу.

Стоял оглушающий шум. Мистер Кэвитт прохаживался между столами, рывкая:

– Не прятать руки под стол! Руки держать над столами!

Изменилась только я сама.

Я глубоко вздохнула и пошла вперед, стараясь не обращать внимания на смех Стейси за спиной. «Ты ведь этого и хотела, – говорила я себе. – Оттолкнуть Стейси. Вернуться в школу. Доказать, что не должна прятаться. Ты получила то, что хотела. Это всего лишь обед. Возьми себя в руки и терпи».

Я не поднимала взгляда от подноса и пола. Выйдя в коридор, прижалась спиной к стене, откинула голову и закрыла глаза. Сделала глубокий вдох. Меня бросило в пот, державшие поднос руки были холодными. Есть совсем не хотелось. Поскорее бы прошел этот день! Я медленно скользнула по стене вниз и поставила поднос на пол перед собой. Уперла локти в колени и опустила в ладони голову.

Мысленно я вернулась в единственное безопасное для себя место – к Нику. Вспомнилось, как я сидела на полу его спальни с джойстиком от плейстейшена в руке и кричала:

– Только попробуй мне поддаться! Блин, Ник, ты поддаешься! Прекращай!

А он улыбался, приоткрыв рот и высунув кончик языка, и каждые несколько секунд тихо посмеивался. Обычное его поведение, когда он не слушался меня.

– Прекращай давай, Ник. Я не шучу. Не поддавайся. Ненавижу, когда ты так делаешь. Это оскорбительно.

В ответ лишь более громкий смешок, а следом – его целенаправленный проигрыш в игре.

– Блин, Ник! – долбанула я его джойстиком по руке, когда фигурка моего игрока появилась на экране телевизора в победной позе. – Сказала же тебе не поддаваться! Боже! – Я скрестила руки на груди и отвернулась от него.

Ник хохотал, задевая меня своим плечом.

– Что? Ты выиграла честно и справедливо. И потом, ты же девушка. Тебе нужна помощь.

– Грр, лучше бы ты этого не говорил. Я тебе сейчас так помогу! – зарычала я, отбросила джойстик и кинулась на него с кулаками, вызвав у него новый взрыв смеха.

Я шутливо колотила его по плечам и груди, но губы тоже расплывались в улыбке. Дуться на проказливого Ника я не могла. Он редко дурачился, но его веселое настроение было чертовски заразительно.

– О нет! Не бей меня, силачка, – умолял он тоненьким голоском, прикалываясь надо мной и хохоча. – Ай, мне же больно, не надо!

Я замолотила кулаками сильнее, кряхтя от натуги. Ник опрокинулся, мы покатались и я внезапно оказалась под ним. Он прижал мои запястья к полу. Мы

оба тяжело дышали. Ник наклонился, приблизив свое лицо к моему.

– Знаешь, нет ничего плохого в том, чтобы кто-то иногда позволял тебе выиграть, – сказал он, вдруг посерьезнев. – Нам необязательно всегда и во всем быть лузерами, Валери. Они хотят, чтобы так было. Но иногда мы тоже должны выигрывать.

– Знаю, – ответила я.

Осознавал ли Ник, что я чувствовала себя победительницей, просто находясь в его объятиях?

– Ты можешь сесть со мной, – чей-то голос вырвал меня из приятных воспоминаний. Я открыла глаза, внутренне готовясь выслушать конец «шутки». «Ты можешь сесть со мной... когда ад замерзнет». Или: «Ты можешь сесть со мной... в своих мечтах». От увиденного у меня перехватило дыхание.

Надо мной стояла Джессика Кэмпбелл с совершенно непроницаемым лицом. Одетая в волейбольную форму, со стянутыми в хвост волосами.

Джессика практически правила в нашей школе. Самая популярная девчонка, она была и самой жестокой, потому что все мечтали быть ею и из кожи вон лезли, чтобы ей угодить. Кристи Брутер придумала мне прозвище Сестра смерти, но именно Джессика произносила его таким ледяным и презрительным тоном, что я чувствовала себя полным ничтожеством. Это она подбивала Джейкоба Кинни подлавливать Ника в коридорах, и это она сказала мистеру Энгерсону, что мы по утрам курим дурь на стоянке в моей машине – ложь, из-за которой нас отстранили от занятий. Джессика не снисходила до того, чтобы высмеивать нас за нашими спинами. Она делала это прямо в лицо. Она не раз оказывалась в Списке ненависти. Мы даже подчеркивали ее имя. И выделяли восклицательными знаками.

Это она должна была заполучить шрам от пули на бедре. А скорее всего, должна была умереть. Это ее я спасла. До мая я ненавидела Джессику. Теперь же понятия не имею, что должна чувствовать к ней.

В последнюю нашу встречу Джессика Кэмпбелл дрожала перед Ником, закрывая лицо руками. Она кричала. Душераздирающе кричала. Она потеряла голову от

страха, как и все остальные, находившиеся в это время в столовой. Помню кровавую полосу на ее джинсах и ошметки еды в волосах. Была своеобразная ирония в том, что она оказалась самым униженным человеком, которого я когда-либо видела, но из-за творившегося вокруг я не могла упиваться этим. Произошедшее слишком ужасало, чтобы я могла наслаждаться чужим унижением.

- Что? - просипела я.

Джессика указала на столовую.

- Ты можешь пообедать за моим столом, если хочешь.

И опять ни улыбки, ни хмурого взгляда, ни единой эмоции на лице. Ловушка? Не может же Джессика Кэмпбелл на полном серьезе приглашать меня за свой стол? Она точно готовит какую-то подлянку.

Я медленно покачала головой.

- Нет, спасибо. Все нормально.

Она пару минут смотрела на меня, слегка наклонив голову набок и покусывая изнутри щеку.

Очень странно. Не помню, чтобы Джессика раньше так прикусывала щеку. Она почему-то выглядит... уязвимой. Искренней. Может, даже немного напуганной. Мне непривычно видеть ее такой.

- Ты уверена? Нас за столом только двое - Сара и я. И Сара работает над каким-то проектом по психологии. Она тебя даже не заметит.

Я посмотрела за спину Джессики на стол, за которым она обычно сидит.

За ним действительно, склонившись над тетрадкой, сидела Сара. Но рядом торчало еще с десятков ребят. И все из компании Джессики. Сомневаюсь, что они меня не заметят. Не такая я дура, да и не настолько отчаялась.

- Нет, правда. Спасибо за предложение, но нет.

- Ну, смотри сама, - передернула плечами Джессика. - Но приходи, если передумаешь. В любое время.

- Буду иметь в виду, - кивнула я.

Уже отойдя, Джессика остановилась.

- Можно задать тебе вопрос? - спросила она.

- Попробуй.

- Тут многим интересно, почему ты вернулась в «Гарвин».

А, вот оно! Сейчас на меня посыплются обзывательства и насмешки и Джессика скажет, что мне здесь не место. В душе начала расти привычная стена.

- Потому что это моя школа, - ответила я немного враждебно. - Я имею право учиться здесь так же, как и вы. С чего я должна уходить? Администрация разрешила мне вернуться.

Джессика снова пожевала изнутри щеку.

- Ты права, - сказала она. - Ты ни в кого не стреляла.

Она ушла в столовую, а я осталась сидеть, до глубины души потрясенная мыслью, что Джессика не насмеялась надо мной. Она не издевалась, приглашая меня за свой стол. И мне не привиделось - Джессика Кэмпбелл сама на себя не походила. Она изменилась.

Я подняла свой поднос и выкинула еду в урну. Есть совершенно не хотелось. Потом села на пол так, чтобы видеть столовую. «Разгляди то, что есть на самом деле, Валери», - прозвучал в голове голос доктора Хилера. Я полезла в рюкзак и вытащила тетрадь и карандаш. Посмотрела на ребят в кафетерии. Они занимались тем же чем и обычно, и я так их и зарисовала - стаю волков, склонившихся над подносами, с оскалом и усмешками на вытянутых мордах.

Только Джессика отличалась от них. Ее изящная волчья мордочка была повернута ко мне. Она смотрела прямо на меня. И, опустив взгляд на рисунок, я с удивлением обнаружила, что ее волчья мордочка сильно напоминает щенячью.

* * *

2 мая 2008

7:41

«Ты забыла наш план?»

* * *

Когда Кристи Брутер упала передо мной на пол и пространство вокруг наполнилось воплями, хаотичным движением, происходящее на секунду показалось мне сном. Почудилось, что я все еще дома, сплю в своей постели, что в любую минуту зазвонит мобильный и Ник скажет, что они с Джереми едут сегодня к Голубому озеру и в школу он не придет.

Но потом Ник пошел к выходу из столовой, а Уилла встала на колени перед Кристи, перевернула ее и... было столько крови! И Кристи, и пол под ней заливала кровь. Кристи еще дышала, но так судорожно и хрипло, будто пыталась протолкнуть воздух сквозь забитое чем-то горло. Зажимая рану Кристи руками, Уилла твердила ей, что все будет хорошо.

Я опустилась на колени помочь ей.

– У тебя есть мобильный? – закричала я Уилле.

Она отрицательно мотнула головой. Мой телефон лежал в рюкзаке, который в возникшем хаосе куда-то запропастился. Много позже я на записи с камер увидела, что он лежал рядом со мной, пропитанный кровью. Я тогда еще подумала: как странно – я смотрела прямо на него, но в страхе и смятении не узнавала. Слово «кровь» и «рюкзак» в моем сознании никоим образом не сочетались.

– У меня есть мобильный, – сказала Рэйчел Тарвин.

Она стояла за спиной Уиллы невероятно спокойная, будто сталкивалась со стрельбой каждый день. Рэйчел вытащила телефон из кармана джинсов и начала набирать номер.

Раздался еще один громкий выстрел, вызвавший новую волну криков. Затем еще два выстрела. И еще три. Толпа школьников понеслась в нашу сторону, и я вскочила, боясь быть растоптанной.

– Не оставляй нас, – взмолилась Уилла. – Она умрет. Ты не можешь уйти. Мне нужна помощь. Помоги!

Но толпа уносила меня за собой и, поскользнувшись на луже крови, я влетела в кучу ребят, в панике стремившихся выбраться из столовой. Мне заехали локтем по губе, рассадив ее до крови, и больно наступили на ногу. Я отмечала это лишь краем сознания, сворачивая шею к Кристи и Уилле. Казалось, они уже недостижимы для меня. Но теперь я видела кое-что похуже.

Пол у стола с пончиками тоже был залит кровью, а под столом неподвижно лежали два тела.

Ник шел по столовой, переворачивая столы и стулья. Время от времени он садился на корточки и заглядывал под какой-нибудь стол. Затем вытаскивал кого-нибудь наружу и что-то говорил, размахивая пистолетом перед лицом несчастного. За этим следовали очередной выстрел и крики.

В голове начала складываться картинка. Ник. Пистолет. Выстрелы. Крики. Я все еще плохо соображала, но мозг уже переставал тормозить. Я не видела в происходящем смысла. А потом нашла. Мы с Ником в некотором роде говорили об этом.

– Ты слышала о стрельбе в школе в Вайоминге? – однажды вечером спросил у меня по телефону Ник. Как раз за несколько недель до случившегося.

Я делала педикюр, сидя в постели, и разговаривала с Ником по громкой связи. Мобильный лежал на тумбочке рядом с кроватью. Мы подобное обсуждали не

раз, поэтому я не удивилась вопросу.

- Слышала. - Я стерла с пальца попавший на кожу лак для ногтей. - Жуткий случай.

- А ты видела, какую хрень несут репортеры о парнях, которые ее устроили? Они гонят, что не было никаких тревожных знаков.

- Угу. Но я почти ничего не смотрела про это.

- Они твердят, что парни были очень популярны, что все их любили и что они не были одиночками и изгоями. Брехня.

Мы ненадолго замолчали, и я подключила свой плеер к компу.

- Ну, ты же знаешь эти СМИ.

- Да уж.

Мы опять замолчали. Я начала листать журнал.

- Так что ты думаешь? Ты смогла бы это сделать?

- Сделать что?

- Перестрелять их всех. Таких людей, как Кристи, Джессика, Теннайл.

Закусив палец, я прочитала в журнале заголовок под фотографией Кэмерон Диаз - что-то о том, как контролировать расходы.

- Наверное, - тихо ответила я, листая страницы. - Только я ведь не популярна, в отличие от тех парней. Ситуации разные.

Ник вздохнул. Его вздох прозвучал в трубке громоподобно.

– Да. Ты права. А я бы смог. Я бы смог всех их пришить. И никто бы этому не удивился.

Мы засмеялись.

Он ошибался. Все еще как удивились. Особенно я. Так удивилась, что приняла происходящее за ошибку. Ошибку, которую я должна исправить.

Я прошла мимо парочки вцепившихся друг в дружку девчонок. Протолкалась сквозь толпу ребят у двери, шагая в направлении, противоположном тому, куда мне хотелось бежать и куда все ломилось. С каждым шагом я набиралась сил и решимости, отпихивая всех со своего пути, расталкивая их так, что некоторые, поскользнувшись на крови, шумно грохались на плиточный пол. Я рывками пробивалась вперед, сшибая всех и почти переходя на бег. Из горла вырывался хрип.

– Нет, – говорила я, расталкивая ребят, – нет, подожди...

Наконец я увидела пустой пяточок и ринулась к нему. Какой-то парень в двух шагах от меня лежал лицом вниз с окровавленным затылком.

Прозвучавшие три или четыре выстрела отвлекли мое внимание от мертвого тела.

– Ник! – закричала я.

Теперь, оказавшись в середине столовой, я больше не видела его. Слишком много народу двигалось сразу во всех направлениях. Я остановилась и лихорадочно замотала головой по сторонам, оглядывая зал. Краем глаза уловила знакомую фигуру.

Ник шел к мистеру Клайну, нашему учителю химии. Тот стоял, расставив ноги и раскинув руки, перед небольшой группкой ребят. Его покрасневшее лицо блестело то ли от пота, то ли от слез.

Я рванула к ним.

– Где она? – закричал Ник.

Прячущиеся за мистером Клайном ученики испуганно взвизгнули и вжались друг в дружку.

– Опустит пистолет, приятель, – ответил мистер Клайн. Его голос дрожал, хотя видно было, что он всеми силами пытается с ним совладать. – Опустит его, и мы поговорим.

Чертыхнувшись, Ник саданул ногой по стулу. Тот отлетел, ударив мистера Клайна по ноге, но учитель не шелохнулся. Он даже не вздрогнул.

– Где она?

Мистер Клайн медленно покачал головой.

– Я не знаю, о ком ты говоришь. Просто опустит пистолет, и мы обсудим...

– Заткнись! Закрой свой гребаный рот! Скажи мне, мать твою, где эта стерва Теннайл, или я отстрелю тебе нахрен башку!

Я пыталась добраться до них побыстрее, но ноги стали ватными.

– Я не знаю, где она, приятель. Слышишь сирены? Полиция будет здесь с минуты на минуту. Все кончено. Опустит оружие и избавь себя от...

Воздух разорвал новый выстрел. Я инстинктивно зажмурилась, а открыв глаза, увидела, как мистер Клайн клонится вперед со все еще раскинутыми в стороны руками. Упав, он завалился на бок. Я не знала, куда попала пуля, но выражение глаз учителя было отрешенным, словно он уставился в пустоту.

Я стояла, оцепенев. Уши заложило, глаза жгло, в горле першило. Я ничего не сказала. Ничего не сделала. Я просто стояла и смотрела на подергивающегося на полу мистера Клайна.

Школьники, прятавшиеся за учителем, оказались в ловушке между стеной и Ником. Их было шестеро или семеро, они по-прежнему жались друг к дружке и

по-щенячьи поскуливали. Позади всех стояла Джессика Кэмпбелл – согнувшись, прижавшись задом к стене. Ее стянутые в хвост волосы выбились из-под резинки и падали на лицо. Трясло ее с такой силой, что клацали зубы.

Из-за заложенности в ушах я толком не слышала слов Ника, хотя находилась рядом. Я только уловила что-то вроде «убирайтесь», подкрепленное взмахами пистолета. Перепуганные ребята медлили, и тогда он выстрелил, задев руку Лин Йонг. Все тут же бросились врассыпную, утащив с собой Лин. Лишь Джессика так и осталась стоять скрючившись у стены.

И я поняла. Я сразу поняла, что Ник сделает дальше.

Слух еще не вернулся полностью, но я слышала, как Ник орал на нее и как она кричала и плакала, открыв рот и зажмурив глаза.

– О боже, – подумала я. – Список. Ник выбирает людей из нашего Списка ненависти.

Я пошла к ним, с трудом передвигая ослабевшие ноги. Казалось, я иду по вязкому песку. Грудь сдавило, будто ее охватили путы, не дававшие сделать вдох и утягивавшие меня назад.

Ник снова поднял пистолет. Джессика закрыла лицо руками и еще больше сжалась.

Я бы не успела к ним вовремя.

– Ник! – закричала я.

Он повернулся ко мне, не опуская оружия. С улыбкой на губах. Из всех воспоминаний о Нике Левиле воспоминание об этой его улыбке ярче всего. Она была какой-то бесчеловечной. Но клянусь, в глубине его глаз я видела настоящую любовь. Словно привычный мне Ник был внутри этого, чуждого мне, и умолял меня выпустить его.

– Не надо! – закричала я, приближаясь. – Перестань! Остановись!

На его лице появилось удивленное выражение. Улыбка не сошла с его губ, но он словно не понимал, что со мной. Словно это я делала что-то не так, а не он. Удивленно взглянув на меня, он спросил:

– Ты забыла наш план?

Я плохо слышала его, но уверена, он сказал именно это. Я даже сбилась с шага. Какой план? Я ни о каком плане не помнила. Взгляд Ника после этих слов стал жутковато отсутствующим, будто мысленно он перенесся в совершенно другое место.

Ник покачал головой в ответ на мою забывчивость, и его улыбка стала шире. Он повернулся к Джессике, одновременно подняв пистолет. Я бросилась к нему с единственной мыслью: «Не могу допустить, чтобы Джессика Кэмпбелл умерла у меня на глазах».

Наверное, я споткнулась о мистера Клайна. Вернее, я точно споткнулась о него – это зафиксировала видеокамера. А споткнувшись, врезалась в Ника. Раздался очередной выстрел, и я почувствовала, как у меня из-под ног уходит пол.

Спустя мгновение я лежала под столом почти рядом с мистером Клайном, а Ник с невероятным удивлением разглядывал свой пистолет. Он был так далеко от меня. Как я могла за секунду оказаться настолько далеко от него? Джессика Кэмпбелл уже не стояла у стены. Я заметила ее спину, когда она бегом врезалась в столпившихся у дверей столовой школьников.

А потом я, наверное, больше почувствовала, чем увидела, хотя, конечно же, и увидела тоже, бьющую из моего бедра струю крови – густую и красную. Я пыталась сказать что-то Нику – не помню, что именно – и, кажется, подняла голову, собираясь встать.

Ник перевел взгляд с пистолета на меня. Его глаза остекленели.

Мои глаза застилала серая пелена. Тело становилось все легче и легче, а может быть, наоборот тяжелее, и мгновением позже я погрузилась во тьму.

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

Моррис Клайн, сорокасемилетний учитель химии и тренер по бегу, дважды был признан в школе «Гарвин» учителем года, в 2004 и 2005 годах.

– Мистер Клайн сделал бы для вас все что угодно, – сказала репортерам девятиклассница Дакота Эллис. – У нас с мамой как-то на шоссе спустило колесо, и увидев это, мистер Клайн остановился помочь. Не знаю, куда он ехал, но явно в какое-то приличное место. Он был нарядно одет и при этом не побоялся испачкаться, меняя нам шину. Таким он был человеком.

Школьники расстроены смертью Клайна, а некоторые потрясены его геройским поступком. Он был застрелен в грудь, защищая нескольких учеников и пытаясь уговорить Левила опустить пистолет. По словам медиков, эвакуировавших учителя, он «едва держался». Клайн скончался в окружной больнице. По-видимому, он не являлся целью Ника Левила, а был застрелен им сгоряча. У него остались жена Рене и трое детей.

– Ник Левил лишил моих детей отца, и я рада, что он застрелился, – сказала миссис Клайн. – Он не заслуживал иметь будущее после того, какое горе принес нашим семьям.

* * *

Мамина машина стояла первой в очереди из встречающих, и я была рада как никогда увидеть ее бежевый «бьюик». Я чуть ли не бегом понеслась к ней после звонка, забыв взять в шкафчике тетради для домашней работы.

Скользнув в машину, я первый раз за день вздохнула полной грудью.

Мама озабоченно посмотрела на меня. На ее лбу прорезались морщины – довольно глубокие, как будто она долгое время хмурилась.

– Как прошел день? – спросила она чересчур радостным голосом, в котором все равно проскользнула обеспокоенная нотка. Видимо, беспокоилась она тоже уже долгое время.

– Сносно, – ответила я. – Ужасно. Но сносно.

Мама завела мотор и выехала со стоянки.

– Стейси видела?

– Да.

– Хорошо. Наверное, приятно увидеть давнюю подругу.

– Мам, давай не будем об этом, – попросила я.

Она оторвала взгляд от дороги, чтобы посмотреть на меня. Морщинки на ее лбу стали еще глубже, губы сжались в тонкую линию. Лучше бы я ей соврала. Я же знаю, как сильно ей хотелось услышать, что мои друзья приняли меня, что я завела новых приятелей, что все прекрасно понимают – я не причастна к стрельбе и что я стала частью большой и счастливой школьной семьи, о которой говорят в новостях. Однако мама взглянула на меня лишь на секунду и снова уставилась на дорогу.

– Ну правда, мам, все нормально.

– Я сказала ее матери. Сказала: ты ни при чем. Думала, она послушает меня. Господи, она ведь в вашем отряде брауни-скаутов[5 - В организации скаутов для девочек есть несколько уровней. Один из них – брауни, для девочек, учащих во втором и третьем классе.] была командиром!

– Да ладно, мам. Помнишь, что сказал доктор Хилер? Как все будут на меня реагировать?

– Помню, но Бринксы – не все. Они знают тебя. Вы со Стейси выросли вместе. Мы вас вырастили вместе. Мы не должны бы их ни в чем убеждать.

Весь оставшийся путь мы молчали. Мама заехала в гараж и выключила двигатель. Уперлась лбом в руль и закрыла глаза.

Я не знала, что делать. Мне казалось неправильным просто выйти из машины, бросив в ней маму. В то же время мне казалось, что маме сейчас не до разговоров. Судя по ее виду, день ей дался тяжело.

В конце концов я нарушила молчание:

– Стейси сказала, что ты говорила с ее мамой.

Мама не ответила.

– Она сказала, ты послала ее маму в задницу.

Мама тихо засмеялась.

– Ты же знаешь Лоррейн. Она такой сноб. Я давно уже хотела послать ее в задницу. – Она фыркнула и снова рассмеялась, но не открыла глаз и не подняла головы от руля. – Просто впервые представилась такая возможность. Было приятно.

Мама глянула на меня искоса одним глазом и захохотала. Я не смогла сдержать смеха и вскоре тоже уже вовсю заливалась. Мы с ней гоготали как сумасшедшие, сидя в машине в закрытом гараже.

– Я ей сказала: «Иди ты в свою жирную снобскую задницу, Лоррейн».

И мы с мамой по новой зашлись хохотом. Смеясь, она продолжала:

– И что в прошлом году Говард приставал ко мне на вечеринке у бассейна...

– Да ладно! – ахнула я. – Отец Стейси приставал к тебе? Фу! Он такой волосатый, противный и старый.

Мама покачала головой.

– Я это... выдумала... Боже... хотелось бы мне... видеть... как она его... в этом обвиняет... – еле дыша от смеха выдавила она.

Мы откинулись на спинки сидений и, наверное, вечность хохотали. Не помню, когда я в последний раз улыбалась, а тут смеялась до слез. Это было так непривычно. Я ощущала смех на языке, как будто он имел вкус.

– Ты жестока, – проговорила я, наконец отдышавшись. – Классный ход, но жестокий.

Снова покачав головой, мама вытерла уголки глаз мизинцами.

– Нет. Жестоки те, кто не дает тебе еще одного шанса.

Я опустила взгляд на рюкзак и пожала плечами.

– Не могу их в этом винить. Все выглядело так, будто я виновата. Не заступайся за меня. У меня все будет хорошо.

Мама уже вытирала глаза манжетами.

– Милая, они должна понять, что виновник произошедшего – Ник. Он плохой. Я говорила тебе это все эти годы. Ты такая красавица у меня. Ты заслуживаешь хорошего мальчика. Ник тебе никогда не подходил.

Я закатила глаза. Ну вот, снова-здорово. Ник не подходит мне. Он плохой. Я не должна встречаться с такими парнями, как он. С ним что-то не так. Она видит это в его глазах. Мама постоянно мне это твердила. Но, похоже, она забыла, что Ник мертв и мне больше не нужно читать нотации по поводу того, какой он ужасный.

– Только не это, мам, – потянулась я к дверной ручке. – Ник мертв. Мы можем закрыть эту тему?

Я открыла дверцу и вылезла, подхватив рюкзак. Поморщилась, наступив на раненную ногу.

Повозившись с ремнем, мама вышла из машины с другой стороны.

– Я не хочу с тобой ссориться, Валери, – сказала она. – Я просто хочу видеть тебя счастливой. Ты всегда грустишь или чем-то недовольна. Доктор Хилер посоветовал...

Мне хотелось разозлиться на нее. Сказать, что счастье не вечно и в любую минуту может обернуться трагедией. Что до появления Ника в моей жизни я долгое время была несчастна и родителям прекрасно известно, почему. Что, если уж на то пошло, она сама давным-давно несчастна.

Но мама стояла по ту сторону машины в мятом костюме, покрасневшая от смеха, и глядела на меня блестящими от слез глазами. Было бы ужасно бросить ей в лицо такие слова, пусть это и правда.

– Мам, я в порядке. Не волнуйся. Я даже не вспоминаю о Нике.

Я отвернулась и пошла в дом.

Фрэнки ел сэндвич у кухонной стойки. Слегка растрепанный, с мобильником в руке, он набирал кому-то сообщение.

– Что стряслось? – встретил он меня вопросом.

– Мама стряслась, – ответила я. – Не спрашивай.

Я достала из холодильника кока-колу, прислонилась к стойке рядом с ним и открыла бутылку.

– Почему до нее никак не дойдет, что Ник умер и пора уже перестать мне капать на мозги? Сколько можно долбить меня этим?

Фрэнки развернулся на стуле и посмотрел на меня, жуя сэндвич.

– Наверное, она боится, что ты пойдешь по ее стопам и выйдешь замуж за человека, которого на дух не выносишь.

Я не успела ответить. Задребезжала гаражная дверь, а значит, сейчас придет мама. Я скользнула по лестнице вверх, в свою комнату.

Возможно, Фрэнки прав. Мама с отцом были несчастливы. До мая они только и говорили о разводе, которого мы с Фрэнки ждали как манны небесной, ведь тогда бы закончились, наконец, беспрестанные ссоры родителей. Однако расстрел в школе, наверняка разрушивший множество семей, мою наоборот сплотил. Какая ирония, правда? Родители заявили, что «боятся расколоть семью, когда она переживает столь сильный стресс», но я знала правду.

1) Папа довольно успешный адвокат, и последнее, что ему сейчас нужно, – статьи в газетах, возвещающие миру о том, что первопричиной массового убийства в школе «Гарвин» послужили проблемы в его семье.

2) Мама работала, но ее работу нельзя сравнить с папиной. Она зарабатывала, но не много. А мы все знали, в какую кругленькую сумму нам обойдутся счета за психиатра.

Мы с Фрэнки безучастно наблюдали за отношениями родителей. Обычно у них все шло тихо и незаметно, но порой вспыхивала такая враждебность, что мы с братом с удовольствием побросали бы шмотки предков в мусорные мешки, купили маме и папе билеты на самолет и отправили куда угодно, лишь бы подальше от дома.

Я вошла в свою комнату и, остановившись у двери, удивленно огляделась. Утром она не казалась мне настолько захлавленной и грязной. Я практически не вылезала отсюда с прошлого мая, но не замечала, как тут отвратно. И тоскливо.

Не то чтобы до этого я была фанаткой уборки. Просто если не считать уборки во имя Великого Освобождения от Ника, проведенной мамой после стрельбы, тут месяцами никто не убирал.

Я взяла стакан, стоявший на моей тумбочке черт знает сколько времени, и поставила его на тарелку. Смяла валявшийся рядом кусок бумажного полотенца и засунула в стакан.

На мгновение у меня руки зачесались прибраться. Начать все с чистого листа. Устроить уборку во имя своего собственного Великого Освобождения. Но я

оценила груды сваленной на полу одежды, кучу разбросанных у кровати книг, запятнанный и пыльный экран телевизора и передумала. Вычищать последствия моего многомесячного горевания будет слишком тяжело.

С кухни доносились голоса мамы и Фрэнки. Мама говорила с раздражением, как обычно бывало, когда они надолго оставались там одни с папой. Меня кольнуло чувство вины. Маму расстроила я, а выдерживать ее эмоциональный натиск приходится Фрэнки. Правда, брату и так доставалось меньше меня. На самом деле, со дня стрельбы Фрэнки для родителей превратился чуть ли не в невидимку. Ни запретов, ни домашних дел, ни ограничений. Извечные ссоры и беспокойство обо мне настолько выматывали маму с папой, что сил на волнение еще об одном ребенке у них не оставалось. Я даже не знала, завидовать брату или жалеть его. Наверное, стоило и позавидовать, и пожалеть.

На меня опять навалилась усталость. Я кинула стакан с тарелкой в мусорную корзину и плюхнулась на постель. Порывшись в рюкзаке, вытащила и открыла тетрадь. Покусывая губу, уставилась на сделанные за день наброски.

Я перевернулась и врубила магнитофон. Через пару минут прибежит мама и будет кричать из-за двери, чтобы я сбавила громкость. Но она уже и так забрала все мои «настораживающие» записи – ту музыку, которая, по мнению моих родителей и, наверное, доктора Хилера, а также всех старперов мира, может побудить меня перерезать себе вены в ванне. Меня это, кстати, возмущает, ведь большую часть музыкальных дисков я купила на свои деньги. Я усилила громкость, чтобы не слышать маминых криков. Она устанет долбить в дверь раньше, чем я устану от ее долбежки. Пусть стучит.

Я снова полезла в рюкзак и достала карандаш. С минуту, покусывая резинку на его кончике, разглядывала портрет миссис Теннайл. Она вышла такой печальной. Не так давно я ненавидела ее и желала видеть несчастной. Но сегодня, увидев ее печальной, почувствовала себя ужасно. Почувствовала себя ответственной за ее печаль. Я хотела, чтобы она улыбнулась. Интересно, улыбается ли она, возвращаясь домой и обнимая своих детей, или, сидя в кресле, хлещет водку, чтобы забыться и не слышать больше pistolетных выстрелов?

Наклонив голову, я начала рисовать – рисовать и то и другое одновременно: миссис Теннайл, обнимающую малыша, точно скорлупа – орех, и ее руку, цепляющуюся за бутылку водки, точно орех за ветвь, на которой он растет.

Часть 2

6

2 мая 2008

18:36

«Что ты наделала?»

* * *

Открыв глаза, я с удивлением обнаружила, что проснулась не в своей постели и не в преддверии нового учебного дня. Как же так? Меня должен был разбудить звонком Ник, и я должна была отправиться в ненавистную школу, переживая из-за Кристи Брутер, которая, конечно же, прицепится ко мне в автобусе, и изводя себя мыслями о том, что Ник, занимающийся бог знает чем на озере с Джереми, собирается меня бросить. Я должна была проснуться, и стрельба, устроенная Ником в столовой, должна была оказаться сном, обрывки которого ускользнули бы из сознания до моего полного пробуждения.

Я же проснулась в больнице. В палате с полицейскими и телевизором, транслирующим передачу с места происшествия. Полицейские стояли спиной ко мне, задрав головы к экрану телевизора. На экране мелькали смутно знакомые кадры: парковка, кирпичное здание, футбольное поле. Почувствовав слабость, я прикрыла веки. Глаза были сухими, в бедре пульсировало. Я не помнила точно, что случилось, но помнила, что случилось что-то плохое.

- Она просыпается, - услышала я голос Фрэнки.

Я не видела его, когда открывала глаза, и мне легче было представить его стоящим у моей постели, нежели действительно видеть его. Поэтому я позволила себе уплыть в воображаемый мир, где Фрэнки стоял поблизости и

говорила: «Она просыпается», но я при этом не находилась в больнице и у меня не болела нога.

– Схожу за медсестрой, – ответил ему другой голос. Папин. Сдержанный и напряженный. Как всегда.

Папа тотчас появился в моем воображаемом мире. Он печатал что-то на своем компьютере, зажав мобильный между ухом и плечом. Он показался лишь на секунду, после чего его снова сменил Фрэнки.

– Вал, – позвал брат. – Проснулась, сестренка?

Воображение нарисовало мою спальню. Фрэнки пытался добудиться меня для какой-то забавы, как в старые добрые времена, когда мы были детьми и родители еще ладили между собой. Может, он звал меня посмотреть наши пасхальные корзины или рождественские подарки, а может – лопать оладьи. Мне нравилось это вымышленное место. Очень нравилось. Поэтому не понимаю, зачем я снова открыла глаза. Это получилось само собой.

Фрэнки стоял у изножья моей кровати. Только эта кровать была не моей домашней, а какой-то странной, с белыми накрахмаленными простынями и покрывалом, расцветкой похожим на овсянку. Брат не зачесал и не уложил волосы гелем, и я с минуту пыталась это осмыслить, так как не помнила, когда в последний раз видела его с такой прической. Наверное, пару-тройку лет назад. И лицо четырнадцатилетнего Фрэнки никак не вязалось у меня с прической одиннадцатилетнего Фрэнки. Мне пришлось несколько раз моргнуть, чтобы привыкнуть к его виду.

– Фрэнки.

Больше я не успела ничего сказать – чей-то всхлип отвлек меня. Я медленно повернула голову вправо. Там на розовом мягком стуле сидела мама. Скрестив ноги и уперев локти в колени, она промокала нос зажатой в ладонях салфеткой.

Я скосила на нее глаза. Меня не удивили ее слезы, потому как я чувствовала: случилось что-то плохое и я с этим связана. Но я все равно никак не могла понять, почему проснулась в больничной палате, а не в своей постели в ожидании звонка Ника.

Я протянула руку и положила ладонь на мамино запястье (той руки, в которой она держала скомканную салфетку).

- Мам, - просипела я. Горло саднило. - Мам...

Она отстранилась от меня. Не дернулась, но отодвинулась, избегая моего прикосновения. Словно пыталась физически отдалиться. Не боясь меня, а не желая иметь со мной ничего общего.

- Ты проснулась, - произнесла она. - Как себя чувствуешь?

Я оглядела себя, удивляясь вопросу. Вроде все мое тело при мне, к нему даже добавилось несколько проводов. Я не знала, почему нахожусь в больнице, но понимала, что не просто так. Судя по пульсации в бедре, я поранила ногу. Но нога на месте, а значит, беспокоиться не о чем.

- Мам, - снова позвала я, не придумав ничего умнее.

Горло болело и першило. Я попыталась прочистить его, но вместо покашливания вышел тихий скрипучий звук. Глотка пересохла.

- Что случилось?

Маячащая за спиной мамы медсестра в розовой униформе подошла к маленькому столику, взяла пластиковый стаканчик с соломинкой и протянула его маме.

Мама взяла его с таким видом, будто никогда в жизни не видела столь хитроумного приспособления, и обернулась к одному из полицейских. Тот отвлекся от телевизора и уставился на меня, просунув пальцы под ремень.

- Ты ранена, - сказал офицер, и смотрящая на него мама поморщилась. - В тебя выстрелил Ник Левил.

В меня выстрелил Ник Левил? Я нахмурилась.

– Так зовут моего парня, – ответила я.

Позже я осознаю, как глупо прозвучал мой ответ, и мне будет стыдно. Но тогда слова полицейского показались мне полной бессмыслицей. Я едва отошла от анестезии и ничего толком не помнила. А может, мой мозг отказывался сразу напоминать о случившемся. Однажды я видела передачу о защитных реакциях мозга. В одном случае, например, у пережившего насилие ребенка произошло раздвоение личности. Наверное, у меня было что-то вроде этого. Мозг защищал меня. Правда, не слишком долго. Недостаточно долго, по крайней мере.

Полицейский кивнул, словно уже знал о нас с Ником и эта информация для него не нова. Мама повернулась ко мне и уставилась на покрывало.

Я внимательно осмотрела их лица – мамино, полицейских, медсестры, Фрэнки, даже папино (он стоял у окна, скрестив руки на груди), – но они все отводили взгляд. Плохой знак.

– Что происходит? – спросила я. – Фрэнки?

Брат молчал. Раздосадованно сцепил зубы и качнул головой. Его лицо покраснело.

– Валери, ты помнишь, что произошло сегодня в школе? – тихо спросила мама. Не по-матерински нежно и мягко, а бесцветно и тихо, каким-то незнакомым мне голосом.

– В школе?

И тогда воспоминания нахлынули на меня. Забавно, но проснувшись и приняв произошедшее за дурной сон, я подумала: «Они же не об этом говорят? Мне ведь просто приснился кошмар». Осознание, что это был не сон, накрыло меня, чуть ли не физически раздавив своей тяжестью.

– Валери, сегодня в школе произошло кое-что ужасное. Ты это помнишь? – спросила мама.

Я не могла ответить ни ей, ни кому-либо другому. Не могла выдать ни слова. Я могла лишь смотреть на экран телевизора, на свою школу и окружающие ее «скорые» и полицейские машины. Смотреть так пристально, что, клянусь, начала различать на экране каждый крохотный цветной пиксель. Словно издали доносился голос мамы. Я слышала его, но казалось, она говорит не со мной. Ее не было в моем мире, где на меня лавиной обрушился ужас. В этом мире я была одна.

– Валери, я с тобой говорю. Что с ней, медсестра? Валери? Ты меня слышишь? Боже, Тед, сделай что-нибудь!

– Что ты хочешь чтобы я сделал, Дженни? – раздался голос папы. – Что мне сделать?

– Хоть что-нибудь! Не стой истуканом! Это же твоя семья, Тед. Твоя дочь. Валери, ответь мне! Вал!

Но я не могла оторвать взгляда от экрана телевизора, который и видела, и не видела одновременно.

Ник. Он стрелял в людей. Стрелял в Кристи. В мистера Клайна. О боже! Он застрелил их. Ник на самом деле их застрелил. Я видела это. Он убил...

Я пощупала ногу и почувствовала бинты. И тогда у меня полились слезы. Я не зарыдала в голос и не завывала белугой, а беззвучно заплакала, кривя губы и вздрагивая плечами – такой плач Опра[6 - Опра Уинфри – американская телеведущая, актриса, продюсер.] назвала уродливым.

Мама вскочила со стула, наклонилась ко мне и заговорила, но не со мной.

– Ей больно, медсестра. Сделайте что-нибудь, чтобы ей не было больно. Тед, пусть они облегчат ей боль.

Она тоже плакала. Я отметила это краем сознания, как в тумане. Она плакала и с лихорадочным отчаянием в голосе требовала мне помочь.

Папа подошел к ней, обхватил за плечи и потянул от кровати. Мама неохотно уступила ему, повернулась, уткнулась лицом ему в грудь, и они оба вышли из палаты. Из коридора донесся ее резкий, полный недовольства голос.

Медсестра нажала на кнопки расположенного позади меня монитора. Полицейский отвернулся к телевизору. Фрэнки неподвижно стоял у моей кровати, уставившись на покрывало.

Я плакала, пока не заболел живот. Меня тошнило. В глаза будто насыпали песка, нос забился, однако слезы литься не перестали. Не помню, что в те минуты творилось в моей голове, но меня точно мучили мрачные и неприятные мысли. Я хотела видеть Ника и в то же время не желала его больше видеть. Я хотела видеть маму и в то же время не желала ее больше видеть. В глубине души я чувствовала вину за случившееся. Пусть и неумышленно, но я тоже участвовала во всем этом. И если бы все повторилось, то кто знает, стала бы я вновь невольной участницей произошедшего или нет.

Постепенно рыдания стихли и я смогла нормально дышать.

– Меня сейчас вырвет, – просипела я.

Медсестра тут же сунула мне под подбородок судно. Меня стошнило.

– Не могли бы вы ненадолго оставить нас? – попросила она полицейских.

Кивнув, они молча вышли в коридор. Когда дверь открылась, я услышала приглушенные голоса родителей. Фрэнки остался в палате.

Меня снова вырвало. Так сильно, что потекло из носа.

Я перевела дыхание, и медсестра вытерла мне лицо влажной тканью. Прохладной и успокаивающей. Было приятно. Я закрыла глаза и опустила голову на подушку.

– После анестезии часто тошнит, – объяснила мне медсестра нравоучительным тоном. – Скоро это пройдет. А пока держи его рядом с собой.

Она подала мне чистое судно, положила сложенную влажную ткань мне на лоб и беззвучно удалилась.

Я попыталась отрешиться от всего. Попыталась убрать всплывающие в голове образы в дальний угол сознания. Не получилось. Они выскакивали снова и снова, и каждый последующий ужаснее предыдущего.

– Он в тюрьме? – спросила я Фрэнки. Дурацкий вопрос. Где же быть Нику после такого?

Брат вскинул на меня испуганный взгляд, словно забыл о том, что я нахожусь рядом с ним.

– Валери... – хрипло начал он. Моргнул, покачал головой. – Что... что ты наделала?

– Ник в тюрьме? – повторила я вопрос.

Фрэнки мотнул головой: «Нет».

– Он сбежал?

Брат снова мотнул головой.

Остался только один вариант.

– Они его застрелили, – сказала я больше утвердительно, чем вопросительно и удивилась, когда брат опять мотнул головой.

– Ник сам застрелился. Он мертв.

7

2 мая 2008

«Я этого не делала»

* * *

Забавно, что имя, которое станет самым известным в моем классе – Ник Левил, – было именем парня, о котором до девятого класса никто не слышал.

Ник в том году был в нашей школе новичком и в ряды ребят не вписался. Гарвин – один из мелких пригородов с кучей больших домов и богатых деток. Ник жил на одной из улочек, где обитали малоимущие семьи. Они располагались за чертой города и служили его границами. Ник носил потрепанную, вышедшую из моды одежду с чужого плеча. Был худым, мрачноватым и неприступным. Его окружала обманчивая аура «плевать я на все хотел», создающая у людей ощущение, что это «на все начхать» относится персонально к ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Слова из песни «If Everyone Cared» канадской рок-группы Nickelback. Здесь и далее прим. переводчика.

2

Flogging Molly – ирландско-американская группа, исполняющая кельтский панк.

3

Отсылка к фильму «Тельма и Луиза», в котором девушки решают покончить с собой, сорвавшись на машине в пропасть.

4

«Give Peace a Chance» – песня Джона Леннона.

5

В организации скаутов для девочек есть несколько уровней. Один из них – брауни, для девочек, учащихся во втором и третьем классе.

6

Опра Уинфри – американская телеведущая, актриса, продюсер.

Купить: https://telnovel.com/braun_dzhennifer/spisok-nenavisti

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)